ბ 150
526

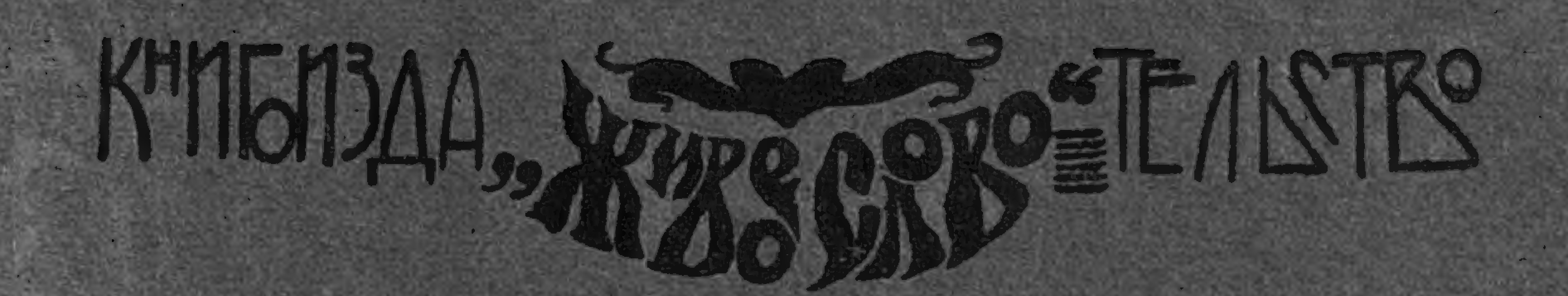
А. АМФИТЕАТРОВЪ.

ЖЕНЩИНА

ВЪ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ ДВИЖЕНІЯХЪ РОССІИ.

B150
526

СПБ. 1907.

А. АМФИТЕАТРОВЪ.

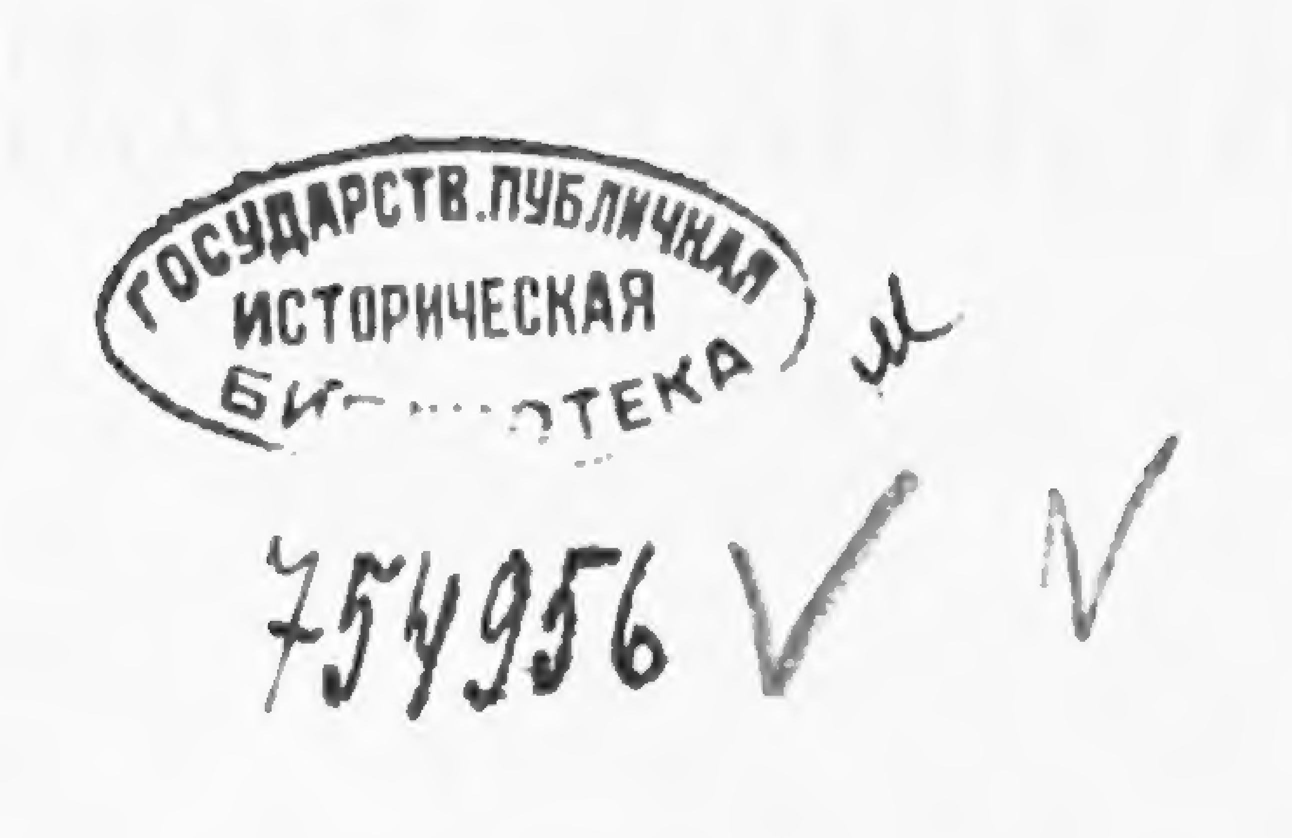

ЖЕНЩИНА

ВЪ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ ДВИЖЕНІЯХЪ РОССІИ.

СПБ. 1907.

Типо-литографія „Энергія". Спб., Загородный просп., 17.

ЖЕНЩИНА

ВЪ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ ДВИЖЕНІЯХЪ РОССІИ.

I.

Французскій критикъ Реми де Гурмонъ доказываетъ очень искусно и остроумно, что международный типъ „барышни“ родился во Франціи между 1800 и 1810 годами, представляя собою, такимъ образомъ, продуктъ новыхъ экономическихъ и нравственныхъ условій, созданныхъ въ обществѣ революціоннымъ переломомъ и ростомъ третьяго сословія. Въ XVIII вѣкѣ „барышень“ не было: были женщины—дѣти, выходившія замужъ въ 13—15 лѣтъ, и были „молодыя дѣвушки“, которыя, оставшись почему-либо безбрачными до двадцати лѣтъ лѣтъ и выше, вели приблизительно тотъ же образъ жизни, какъ ихъ юныя замужнія подруги, при весьма снисходительномъ отношеніи къ тому общества, воспитаннаго энциклопедистами въ здравомысленномъ уваженіи къ за-

конамъ природы. Вольтеръ опредѣлилъ женскій вопросъ своего вѣка коротко, ясно и полно въ сатирической фразѣ „Кандида„:—Если дѣвушекъ не выдаютъ замужъ, онѣ выходятъ сами. Нѣсколько засидѣвшаяся въ дѣвицахъ, молодая особа—обычная героиня изящной литературы XVIII вѣка, изъ которой добрыхъ трехъ четвертей нельзя дать въ руки современной барышнѣ, и житейскихъ романовъ, о которыхъ намъ оставили мемуары господа вродѣ Жака Казаньвье. Экономическая перестройка Франціи Великою Революціей нанесла смертельный ударъ раннимъ бракомъ и, удлиннивъ для женщины выжидательный періодъ обязательной дѣвственности, вызвала къ жизни ту борьбу съ поломъ по охранительнымъ началамъ идеалистической морали, что называлась въ XIX вѣкѣ воспитаніемъ женщины, и быстро выработала типъ „барышни" — прочный и устойчивый даже до сего дня.

Провѣряя русскій интеллигентный бытъ въ первое десятилѣтіе XIX вѣка, не трудно замѣтить, что въ немъ, отраженными лучами, совершается та же эволюція женская, что и во Франціи: падаетъ ранній бракъ, исчезаютъ галантные нравы, развивается охранительное идеалистическое воспитаніе. Это періодъ, когда вымираютъ женскіе *esprits fols,* философки—

вольнодумки XVIII столѣтія, вродѣ княгини Дашковой, всплывавшія въ екатерининскій вѣкъ странными островами-оазисами на мутномъ океанѣ всероссійскаго невѣжества.

Вымираютъ не только лица, вымираетъ самый идеалъ честолюбиваго мужеподобія, порождавшій княгинь Дашковыхъ и ея многочисленныя копіи въ миніатюрѣ. Вымираетъ женскій типъ, который, вырвавшись изъ душнаго периннаго плѣна допетровскихъ теремовъ и пьянаго плѣна ассамблей самого Петра Великаго, впервые взялся за умную книгу и попалъ въ разсудочныя объятія Бейля, Даламбера, Гиббона, Монтескье. Онъ велъ переписку съ Гриммомъ, Дидро и Вольтеромъ, вдохновлялъ „Наказъ" Екатерины II, сочинилъ рядъ малоталантливыхъ, но умныхъ и злыхъ комедій и сказку о царевичѣ Хлорѣ, обличилъ шарлатана въ великомъ кофтѣ „Каліостро" и, въ лицѣ Дашковой, президенствовалъ въ „Россійской Де-Сіянсъ академіи". У домашняго очага этотъ женскій типъ и самъ жилъ несчастно: какому мыслящему существу могли дать счастіе странныя чудища, которыми сатирическая литература и мемуары изображаютъ намъ русскихъ мужей XVIII вѣка—и дѣлалъ несчастными свои семьи.. Вѣрнѣе будетъ сказать, что онъ былъ заживо мертвъ, пока оставался прикованнымъ къ домашнему очагу, и просыпался

къ жизни, только разорвавъ цѣпь и опрокинувъ очагъ. Устраивая государственные перевороты, законодательствуя, объявляя и ведя войны, интригуя при дворѣ и посольствахъ, типъ русской политической авантюристки, за множествомъ внѣшняго інтереса, рѣшительно не имѣлъ времени упражняться въ нравственномъ самосозерцаніи. Философскія схемы морали онъ принялъ на слово, усвоилъ отлично и цитировалъ, по надобности, съ большою и изящною находчивостью. Но съ собственными чувственными страстями, обуревавшими слабую плоть, покуда бодрствовалъ мощный духъ, боролся плохо. Поэтому, съ высоты трона онъ раздарилъ въ крѣпость своимъ любовникамъ чуть не полъ-Россіи, а въ обществѣ отражался такимъ фантастическимъ спокойствіемъ убѣжденнаго разврата, что мѣткое слово итальянскаго историка, подхваченное впослѣдствіи Герценомъ, не безъ основанія характеризовало русскій XVIII вѣкъ, какъ „трагедію въ публичномъ домѣ“. Женщина екатерининской эпохи—большой, возвышенный, образованный и благожелательный умъ, заключенный въ распутнѣйшемъ и безстыднѣйшемъ тѣлѣ. Теоретическая школа самоуправленія, квартирующая въ совершенно не признающемъ управленія, анархически буйномъ и первобытно чувственномъ организмѣ. Вѣкъ высоконравственныхъ

дѣвочекъ, которыя, выростая, обращались въ куртизанокъ.

Прекрасныя слова, мысли и чувства добродѣтельной Софьи въ фонвизинскомъ „Недорослѣ“ развиваются, съ еще большимъ краснорѣчіемъ, въ запискахъ самой Екатерины II и ея наперсницы Дашковой,—въ запискахъ любой изъ авантюристокъ эпохи, большого ли, малаго ли калибра. Нѣсколько лѣтъ назадъ мнѣ посчастливилось открыть анонимный манускриптъ — автобіографію какой-то великосвѣтской сыщицы Екатеринина двора. [1]) Эта госпожа, въ подломъ ремеслѣ своемъ, шага не сдѣлаетъ, чтобы не оборониться красивымъ афоризмомъ Дидерота или сильною фразою Руссо. Русскій XVIII вѣкъ умѣлъ отлично честно читать, мыслить, учиться, чувствовать, говорить и писать, но съ еще большимъ великолѣпіемъ умѣлъ падать въ грязь и безпечно барахтаться въ лужѣ, слитой изъ вина, крови и афродизіастическихъ напитковъ. Страшно сильныя, крѣпкія, выносливыя физически, эти богатырки XVIII вѣка, въ большинствѣ, прожили очень долгую жизнь и еще въ тридцатыхъ, даже сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія смущали своихъ высоконравственныхъ

---

[1]) Онъ напечатанъ въ моей книгѣ „Недавніе люди“ (Спб. 1901 г. Изд. Вольфа), подъ названіемъ „Таинственная кореспондентка“.

и богомольныхъ внучекъ пословицами изъ „Вавилонской Принцессы“, моралью изъ „Фоблаза“ и религіей по Бэйлеву лексикону. У большинства оставались позади дикія бури страстей, а то и кровавыя пятна преступленій, но онѣ жили безъ раскаяній. Не имѣлъ ихъ и общій образецъ, идеалъ и кумиръ эпохи авантюристокъ: цербстская принцесса, которая, безъ всякихъ правъ и возможностей, умѣла сдѣлаться русскою императрицею и, хотя природная нѣмка, создала, наполнила собою и воплотила, неразрывно связанный съ ея именемъ и образомъ, и удивительно русскій, изъ русскихъ русскій, блистательный и отвратительный вѣкъ. Онѣ не вѣрили въ будущую жизнь и боялись смерти лишь какъ процесса конечнаго уничтоженія. И умирали онѣ странно: на полу, въ неудобоназываемомъ мѣстѣ, какъ Екатерина II, подъ незаряженнымъ пистолетомъ ночного разбойника Германа, какъ та *Venus Moscovite*, что впослѣдствіи стала ужасною „Пиковою дамою“ Пушкина. Нельзя не сожалѣть, что ни одинъ изъ первоклассныхъ русскихъ писателей не занялся типомъ придворной авантюристки съ должнымъ вниманіемъ, и она осталась добычей уголовныхъ мелодраматическихъ лубковъ Сальяса, Всеволода Соловьева и, въ лучшемъ случаѣ, Лѣскова и Данилевскаго. Во Франціи съ этимъ дворян-

скимъ поколѣніемъ полупедантокъ, полукуртизанокъ, своего рода „Матерей“ стараго режима, покончила оптомъ трагедія гильотины. У насъ онѣ измерзли медленнымъ гніеніемъ, часто самую смерть ихъ обращавшимъ въ грязную гримасу пошлѣйшаго водевиля.

II.

Итакъ, Софья,—бывшая героиня «Недоросля», а, впослѣдствіи, ея величества камерфрейлина, лежитъ безъ ногъ и умираетъ, презрительно ворча на новый вѣкъ, и увѣренная, что Бонапарте только потому вышелъ въ императоры, что на свѣтѣ нѣтъ уже ни матушки-царицы, ни Потемкина, ни Суворова. Въ смежности съ имѣніемъ старухи тянется рядъ помѣщичьихъ владѣній средняго достатка, душъ по 300, по 400. Вотъ, напримѣръ, деревня и усадьба бригадира Дмитрія Ларина, выгодно женившагося въ Москвѣ на юной особѣ, которая уже врядъ ли держала когда-либо въ нѣжныхъ рукахъ своихъ хоть единую изъ полныхъ трезвою логическою сухостью и пряными галльскими остротами, любимыхъ книгъ своей екатерининской мамаши. За то «она любила Грандисона» и переписывала въ альбомъ чувствительные стихи Карамзина, Шаликова, а также монологи изъ трагедій Озерова. Впо-

слѣдствіи Гоголь, устами Хлестакова, разскажетъ намъ о дамскихъ альбомахъ много смѣшного. Мы прочтемъ въ нихъ:

Двѣ горлицы покажутъ
Тебѣ мой хладный прахъ,
Воркуя, томно скажутъ
Что умерла въ слезахъ....

Прочтемъ ломоносовскую оду—«О, ты, что въ горести напрасно на Бога ропщешь человѣкъ» и рядомъ—«Мы удалимся подъ сѣнь струй».. Прочтемъ и:

Законы осуждаютъ
Предметъ моей любви,
Но кто, о сердце, можетъ
Противиться тебѣ?

Дамскіе альбомы стараго добраго времени проклиналъ, какъ язву, Пушкинъ, надъ ними издѣвался И. С. Тургеневъ, въ нихъ на зло писалъ непристойныя двусмысленности Лермонтовъ. Между тѣмъ, альбомы эти принесли много посмертной пользы именно тѣмъ писателямъ, которые, при жизни, отъ нихъ больше всѣхъ страдали. Дамскіе альбомы жили страшно долго. Я, напримѣръ, очень хорошо помню изъ своего дѣтства альбомъ моей матери, съ благоговѣйно переписаннымъ «Демономъ» Лермонтова, съ запретыми политически-

ми балладами Алексѣя Толстого, съ убитыми цензурою стихами изъ «Несчастныхъ» Некрасова и. т. п. Въ странѣ, лишенной свободной печати, рукописная литература неистребима, и всякій способъ ея распространенія и сохраненія заслуживаетъ глубокой благодарности потомковъ. Осмѣянные дамскіе альбомы съ томными горлицами надъ хладнымъ прахомъ и съ человѣкомъ, ропщущимъ на Бога, сберегли литературѣ огромную и лучшую долю Пушкина, Лермонтова, Рылѣева, Полежаева, Грибоѣдова, Огарева,—и именно дамскіе альбомы, потому-что та часть поэтическаго творчества нашихъ корифеевъ, о сохраненіи которой позаботились мужскія таїныя тетради, могла бы быть, въ большинствѣ, съ успѣхомъ позабыта безъ всякой потери для авторовъ скорѣе даже не безъ выигрыша ихъ репутаціи. Пушкинская ода «Вольность» и «Кинжалъ» ползли альбомнымъ порядкомъ почти 70-лѣтъ! Если эти и имъ подобныя историческія стихотворенія не угасли безслѣдно, это —заслуга исключительно сафьянныхъ книжекъ съ застежками, куда съ любовью и трепетомъ переписывали ихъ женскія руки—отъ подруги къ подругѣ и изъ поколѣнія въ поколѣніе. Женская переписка отличается отъ мужской завидною точностью; она воспроизводитъ текстъ съ педантическою аккуратностью, весьма часто сохра-

няющею даже ошибки оригинала. Мнѣ неоднократно приходилось встрѣчать разными почерками однѣ и тѣ же опечатки въ подлинномъ текстѣ журнала «Современникъ».

Итакъ, простимъ госпожѣ Лариной ея альбомъ—тѣмъ болѣе, что, какъ всѣмъ извѣстно, —переѣхавъ съ супругомъ въ деревню и переживъ въ ея кислой прозѣ первыя жестокія разочарованія отъ поэтическихъ вдохновеній Ричардсона, Стерна, Мармонтеля, Карамзина и Шаликова, она очень скоро все позабыла: альбомъ, корсетъ, княжну Полину, стиховъ чувствитальныхъ тетрадь, стала звать Акулькой прежнюю Селину

И обновила наконецъ
На ватѣ шлафрокъ и чепецъ.

Разумѣется, далеко не всѣ русскія сантименталки успокоивались съ тою же легкостью. Писемскій въ своихъ великолѣпныхъ очеркахъ о «Русскихъ лгунахъ» вспоминаетъ свѣжимъ преданіемъ, какими безобразными каррикатурами доживало свой праздный вѣкъ это странное женское поколѣніе. Оно подарило русскому обществу довольно много посредственныхъ и еще больше плохихъ писательницъ, изрядное количество старыхъ дѣвъ, которыхъ Наполеоновы войны оставили безъ жениховъ, а потому бѣдняжки ударились въ поэтизмъ и

въ мистицизмъ, до хлыстовщины включительно; и нѣсколькихъ способныхъ святошъ интригантокъ, въ молодости игравшихъ роль при дворѣ Александра I или въ его иностранныхъ посольствахъ, а къ старости, обыкновенно, обращавшихся, стараніемъ отцовъ іезуитовъ, въ католичество и умиравшихъ гдѣ-нибудь въ Римѣ, Лиссабонѣ, Моденѣ, разсорясь съ родными и отписавъ не малые милліоны своимъ новымъ духовникамъ. Изъ этого же поколѣнія вышла Н. Дурова—знаменитая кавалеристъ-дѣвица, воевавшая съ Наполеономъ, раненая при Бородинѣ. Нарочно отмѣчаю ее, потому-что воинственная экзальтація этой дѣвушки очень исключительна. Кто читалъ «Войну и миръ» графа Л. Н. Толстого, не можетъ не обратить вниманія, какъ мало отражаются, переживаемыя Россіей, политическія грозы эпохи на героиняхъ романа. Ихъ интересъ къ испытаніямъ войны весь исчарпывается тѣмъ участіемъ, какое принимаетъ въ ней ихъ братъ, мужъ, любовникъ. Патріотизмъ ихъ проявляется рѣдко, неуклюже, книжными, напускными фразами: такова переписка княжны Марьи и Жюли Корчагиной. У нихъ нѣтъ ни государственной ни общественной идеи. Чувствуется, что между ихъ бабками, героинями «петербургскаго дѣйства , ихъ матерями, вельможными одалисками и интригантками потемкинскаго лагеря

и ими легла полоса девяностыхъ годовъ. Сказалась капризная, старческая реакція одряхлѣвшей Екатерины, сказался безумный Павловъ терроръ. Поколѣніе княжны Марьи Болконской, дѣвицъ Буниной, Извѣковой, сестеръ Поповыхъ, Татариновой, дочери Лабзина и другихъ ровесницъ—пришибленное, съ битыми, запуганными мозгами. Это дочери опальныхъ, потому раздраженныхъ, оскорбленныхъ и крикливыхъ деспотовъ-отцовъ, разосланныхъ Павломъ отъ двора по глухимъ деревнямъ; это сестры и жены суровыхъ солдатъ, изъ которыхъ для лучшихъ и мятежныхъ духомъ, воиновъ-аристократовъ, какъ толстовскій князь Андрей Болконскій идеалъ—Наполеонъ Бонапарте, а для худшихъ гатчинскихъ выскочекъ, всероссійское страшилище, графъ Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ. Реакціонныя эпохи, преслѣдуя гоненіями политическую и соціальную мысль, направляютъ слабую часть общества, какъ въ послѣднее прибѣжище, на безопасные пути субъективнаго самоанализа, которые, послѣ всевозможныхъ вычурныхъ блужданій, обычно приводятъ къ мистицизму. Имъ, роковымъ образомъ, и кончали чахлые умы, простуженные въ ранней юности морозами Павлова террора. Княжна Марья, дѣвицы-поэтессы, увѣнчанныя академіей наукъ, пресловутая «дѣва Анна», дочь графа Алексѣя Орло-

ва и первая жрица дикаго фанатика Фотія; какія-то высокопоставленныя монахини, таинственно исчезающія за стѣнами захолустныхъ монастырей; Авдотья Глинка, пишущая поэмы-диссертаціи «о млекѣ Богородицы»—арфа Мальвины, плачущей на гробѣ Эдвина, арфа сіонскихъ гимновъ; пророчицы, гадальщицы, хлыстовщина госпожи Крюднеръ, хлыстовщина Екатерины Филипповны Татариновой,—таковы наименѣе дюжинные женскіе всходы Павловскихъ нивъ, сжатые Александровскимъ царствованіемъ. Остальныхъ—второй и третій сортъ поколѣнія—показалъ Грибоѣдовъ въ «Горѣ отъ ума», Пушкинъ въ строфахъ о Лариной, Гоголь въ дамѣ просто пріятной и дамѣ пріятной во всѣхъ отношеніяхъ, Толстой въ Вѣрѣ Ростовой и Эленъ Безуховой. Или оторванный отъ земли мистицизмъ, экстазы отвлеченной мысли, восторги самосозерцанія и самоуглубленія, самодовлѣющая религія, пылающая къ небу какъ то мимоміра, съ людьми и дѣлами его,—или поразительно упрощенная, праздная пошлость, низводящая существо женщины къ совершенно животному прозябанію. Не удивительно, что, при такихъ условіяхъ, грандіозная эпопея Отечественной войны прошла не только безъ русскихъ Деборъ и Юдиѳей, но и почти безъ тѣхъ милосердныхъ подвиговъ, которые, въ будущихъ войнахъ XIX вѣка, покры-

ли голову русской женщины лаврами беспримѣрнаго самоотверженія и сдѣлали героизмъ сострраданія ея національнымъ символомъ въ литературахъ всѣхъ цивилизованныхъ странъ и народовъ. Попытка Пушкина создать типъ дѣвушки-аристократки 1812 года, вдохновенно пылающей патріотизмомъ (Полина въ очеркѣ «Рославлевъ»), оказалась болѣе, чѣмъ неудачною. Да и то—Полина уже нѣсколько моложе поколѣнія, о которомъ мы говоримъ, равно какъ и большинство героинь въ «Повѣстяхъ Бѣлкина".

III.

Возвратимся къ семейству Лариныхъ. Въ десятилѣтіе 1800 1810 года, на которое Реми де Гурмонъ назначаетъ рожденіе „барышни", счастливая чета произвела на свѣтъ двухъ дочерей, Татьяну и Ольгу. Имъ впослѣдствіи посвятятъ творческіе стихи Пушкинъ и музыку Чайковскій. Давно пріемлется, что Татьяна Ларина въ русской литературѣ—нѣчто вродѣ Иверской Божіей Матери. „Евгеній Онѣгинъ" —ея житіе, а знаменитое „Я другому отдана и буду вѣкъ ему вѣрна"—ея тропарь. Предъ нею служили молебны Бѣлинскій, Тургеневъ, Достоевскій: кто только не служилъ! Писаревъ какъ яростый арабъ-иконоборецъ, рубнулъ Татьяну критическимъ мечемъ своимъ по лицу;

изъ раны закапала кровь, но образъ не уничтожился. Благоговѣніе къ Татьянѣ странно дожило до XX вѣка, живущаго нравственными принципами и семейнымъ укладомъ, весьма отдаленными отъ ларинской морали. Никто здравомыслящій въ наше время не дерзнетъ оковывать женщину страшнымъ завѣтомъ Татьянина тропаря. Мы сознательно отвергаемъ мучительный и безполезный подвигъ вѣрности по обязанности, какъ нравственное самоизнасилованіе и надругательство, противное чувству человѣческаго достоинства. Самая возможность быть „отданною" возмущаетъ насъ за женщину, для которой мы горячо желаемъ и ищемъ семейной свободы и полового равенства на всѣхъ путяхъ жизни личной, общественной и политической. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что во всѣхъ взглядахъ своихъ на роль женщины въ семьѣ и государствѣ мы, несравненно, ближе къ поругателю Татьяны, Д. И. Писареву, чѣмъ къ ея вдохновенному творцу и къ влюбленнымъ толкователямъ, не исключая Бѣлинскаго. Почему же, при всемъ томъ, „разсудку вопреки, наперекоръ стихіямъ", нѣжный образъ Татьяны сохранилъ свою таинственную власть надъ русскими умами даже до сего дня? Почему письмо Татьяны и „Онѣгинъ, я тогда моложе, я лучше, кажется, была", до сихъ поръ съ восторгомъ твердятъ наизусть тысячи рус-

скихъ дѣвушекъ? Почему создать Татьяну для сцены—мечта каждой образованной русской артистки? Почему въ 1880 году, когда историческій Достоевскій на пушкинскихъ торжествахъ, при сборѣ во едино чуть ли не всей русской интеллигенціи, провозгласилъ Татьяну національно-художественнымъ типомъ, ни разу не превзойденнымъ въ нашемъ литературномъ творчествѣ, и сравниться съ которымъ можетъ лишь Лиза въ „Дворянскомъ гнѣздѣ“ Тургенева,—почему тогда, въ отвѣтъ на это порывистое признаніе писателя, залъ огласился громовыми аплодисментами и воплемъ общаго, признательнаго восторга?

Отвѣта надо искать, конечно, не въ самой Татьянѣ, съ ея болѣе чѣмъ скромнымъ вообще, а для насъ и совсѣмъ уже сомнительнымъ подвигомъ—„другому отдана и буду вѣкъ ему вѣрна“. Отвѣтъ—въ исторической переспективѣ, въ томъ поколѣніи русскихъ женщинъ, къ которому принадлежала Татьяна и общія благородныя черты котораго такъ геніально собралъ въ ея индивидуальности Пушкинъ. Татьяна сама по себѣ—ничто, одна изъ безсчетно многихъ, скромная незнакомка. Но она въ нашей литературѣ, для двадцатыхъ годовъ,—то же, что въ живописи портреты Веласкеза, который лицомъ совершенно неизвѣстнаго вамъ гранда или кардинала воскрешаетъ и объясняетъ цѣ-

лую эпоху. Мы любимъ въ Татьянѣ не то, что она сдѣлала, но то, что могла сдѣлать; мы любимъ въ ней ея, похожихъ на нее, ровесницъ и подругъ, которыхъ хорошо зналъ и дружески любилъ Пушкинъ, ея создатель, и предъ которыми благоговѣйно преклоняется память всѣхъ знающихъ страдальческую исторію русской борьбы за свободу. Прекрасныя ровесницы Татьяны остались въ лѣтописяхъ нашей культуры съ полнымъ глубокаго смысла историческимъ прозвищемъ „Русскихъ женщинъ". Подъ этимъ заслуженнымъ именемъ, пропѣлъ имъ, сорокъ лѣтъ спустя, восторженные гимны другой великій поэтъ, предсказанный Пушкинымъ, какъ необходимость грядущаго гражданскаго вѣка. Стихъ Некрасова обратился съ сыновнею любовью къ тому поколѣнію, которое Пушкинъ воспѣвалъ, какъ ровесникъ, другъ, братъ, любовникъ, и сложилъ могучія эпопеи о Трубецкой и Волконской. Жены декабристовъ! Незабвенны имена этихъ доблестныхъ Татьянъ въ гражданскомъ дѣйствіи, схоронившихъ, однѣ—свою молодость, другія —всю жизнь, рядомъ съ каторжными мужьями за ледянымъ Алтаемъ, въ Читѣ и Нерчинскѣ, до сихъ поръ гордыхъ тѣмъ, что они были нѣкогда освящены присутствіемъ „ссыльныхъ княгинь"! Фонвизинъ, Давыдова, Муравьевы, Нарышкина, Розенъ, Юшневская, Енталыцева,

Поль, три сестры Бестужевыхъ, мать и сестра Торсона—вотъ менѣе извѣстныя подруги по несчастію громко прославленныхъ Екатерины Трубецкой и Маріи Волконской. Пушкинъ, въ знаменитыхъ своихъ стихахъ къ Чаадаеву, мечталъ о времени, когда воспрянувшая отъ сна Россія—

На обломкахъ самовластья
Напишетъ наши имена!

Въ 1905 году мы имѣемъ право твердо вѣрить, что время это близко, оно наступаетъ, оно наступило. Я живо надѣюсь еще увидать собственными глазами, какъ великолѣпныя бронзы петербургскихъ монументовъ будутъ перелиты художниками вольнаго народа въ благородные памятники мучениковъ за его свободу. И конечно, въ будущемъ русскомъ Пантеонѣ, выстроенномъ изъ „обломковъ самовластья", огненными письменами засіяютъ на стѣнахъ, рядомъ съ строгими мужскими чертами декабристовъ, святые, нѣжные лики ихъ вѣрныхъ подругъ.

Неоднократно дѣлались попытки—не развѣнчать „Русскихъ женщинъ": это-то невозможно!—но ослабить политическое значеніе ихъ подвига, отрицать возможность въ нихъ гражданскаго самосознанія и, слѣдовательно, пониманія той общественной службы, кото-

рую онѣ сослужили. Дѣло сводилось къ семейнымъ привязанностямъ и добродѣтелямъ, къ порыву молодой влюбленности,—словомъ, къ преданіямъ XVIII вѣка о Натальѣ Шереметьевой и Иванѣ Долгорукомъ. Но теперь, послѣ опубликованія въ 1904 году подлинныхъ записокъ М. Н. Волконской, всѣ подобныя сомнѣнія должны умолкнуть. Я самъ, еще недавно, въ одной своей статьѣ о декабристахъ [1]) заподозрилъ было аффектацію 60-хъ годовъ въ знаменитыхъ некрасовскихъ стихахъ о Волконской, будто она, въ каторжномъ руднпкѣ,—

Прежде, чѣмъ мужа обнять,
Къ оковамъ его приложилась...

„Записки М. Н. Волконской“, однако, подтверждаютъ эту романтическую подробность свиданія, и я, читая ихъ, испыталъ восторгъ Ѳомы—рѣдкій восторгъ быть пристыженнымъ въ своемъ недовѣріи по разсудку къ тому, чему слѣдовало вѣрить сердцемъ. Нѣтъ, жены декабристовъ ушли въ Сибирь не только за мужьями своими, онѣ ушли и за дѣломъ мужей! Онѣ не только честныя, любящія, пре-

[1]) См. мой „Литературный Альбомъ“ (Спб. 1904 г. Товар. „Общественная Польза“) статью „Андрей Волконскій и Сергѣй Волконскій“.

данныя супруги: онѣ — единомышленницы и нравственныя сообщницы.

И потому-то напрасно искать имъ параллелей въ XVIII вѣкѣ. Онѣ всецѣло принадлежатъ XIX-му. Онѣ, какъ и мужья ихъ, дѣти великой французской революціи и Наполеоновой грозы. Та Наталья Долгорукая, съ которою сравниваютъ декабристокъ, еще старопокройная, полудикая „боярышня", прекрасная глубиною природнаго чувства, но чуждая культурнаго самоотчета. Декабристки—уже „барышни" въ той идеалистической послѣреволюціонной метаморфозѣ, какъ для Франціи подмѣтилъ Реми де Гурмонъ. И, въ высшей степени, любопытно и характерно въ первомъ общественномъ движеніи — протестѣ русскихъ женщинъ, что къ нимъ примкнула и настоящая французская „барышня"—Эмилія Ледантю, послѣдовавшая въ Сибирь за женихомъ своимъ—Ивашевымъ и обвѣнчанная съ нимъ въ каторжной тюрьмѣ. Быстрое увяданіе этого прекраснаго южнаго цвѣтка въ нерчинскихъ морозахъ—одинъ изъ самыхъ трогательныхъ эпизодовъ въ трагедіи декабристовъ. Другая французская барышня, гувернантка князей Трубецкихъ, бросила горькій укоръ спрятавшемуся диктатору неудачной революціи:

— Постыдитесь, вы дома, когда ваши друзья умираютъ на площади, подъ картечью!

Трубецкой схватилъ фуражку и убѣжалъ, чтобы спрятаться въ другомъ мѣстѣ, гдѣ нѣтъ обличающихъ француженокъ.

Слово „барышня“ такъ плачевно опошлилось на Руси, что предъ современною публикою почти неловко примѣнять его къ такимъ національнымъ святымъ, какъ жены декабристовъ. Помяловскій и Писаревъ добили общественную репутацію „барышни“ презрительнымъ эпитетомъ „кисейная“, и развитыя русскія дѣвушки открещиваются отъ титула „барышни“, какъ отъ злѣйшей обиды. Что дѣлать? Непрочны и недолговѣчны культурныя клички и опредѣленія! Вѣдь, напримѣръ, и назвать кого-нибудь сейчасъ „либераломъ“ уже далеко не значитъ польстить, а „патріотъ“ сталъ и вовсе оскорбительною бранью. Но совершенно несомнѣнно, что было время—и долгое—когда „барышня“ была на верху жидкаго культурнаго слоя Россіи, и, на ряду съ „барышнями“, которыя били по щекамъ своихъ крѣпостныхъ горничныхъ, существовала другая, гораздо болѣе интересная и благородная порода ихъ, которой вліяніе на русскій прогрессъ можно измѣрить уже признаніемъ Пушкина и князя Вяземскаго:

— Это—наша настоящая публика!

Барышня—Наталья Николаевна Гончарова, загубившая жизнь Пушкина, барышня—жена

Огарева, употреблявшая всю свою холодную и злую энергію, чтобы разсорить мужа съ Герценомъ, но барышни же и Наталья Александровна Герценъ, и Татьяна Пассекъ, и „черноокая“ Росетти, и Левашова, которую Герценъ описалъ съ такою трагическую простотою у гроба Вадима Пассека.

IV.

Необходимо отмѣтить еще одинъ дѣвическій типъ, введенный въ русскую жизнь тоже александровскимъ царствованіемъ и сыгравшій въ русской женской эволюціи огромную роль, сперва, пожалуй, отчасти положительную, впослѣдствіи—отрицательную и реакціонную. Нѣмкѣ Екатеринѣ II Россія была обязана женскимъ типомъ образованной авантюристки. Нѣмка же и постаралась объ уничтоженіи этого типа, противопоставивъ ему „институтокъ“, воспитанныхъ вновь учрежденнымъ „вѣдомствомъ императрицы Маріи“. Супруга Павла и мать Александра и Николая Первыхъ, императрица Марія Федоровна, урожденная принцесса Вюртембергская, могла тѣмъ болѣе высоко цѣнить достоинства семейныхъ добродѣтелей, что въ своей собственной семьѣ ей пришлось, сперва, очень долгое время уживаться, какъ съ подругами, съ любовницами своего

державнаго супруга—Нелидовою и Лопухиною, а затѣмъ и—дать согласіе на удавленіе мужа благополучно воспослѣдовавшее въ ночь 11-го марта 1801 года. Эта женщина, несомнѣнно, большого таланта твердой воли, ненавидѣла екатерининскій развратъ, но еще больше демократическія вѣянія революціи. Институты екатерининской эпохи были учрежденіями слишкомъ показными, чтобы стоило серьезно считаться съ ихъ вліяніемъ, и очень часто обращались чуть не въ гаремы высокопоставленныхъ вельможъ, начиная съ самого оффиціальнаго блюстителя ихъ И. И. Бецкаго. Императрица Марія, справедливо памятуя, что типъ государства зависитъ отъ типа семейнаго очага, а типъ семейнаго очага—отъ типа управляющей имъ женщины, сдѣлала институты разсадниками будущихъ домовладычицъ, напитанныхъ правилами патріотизма и благодарнымъ восторгомъ къ самодержавію. Собственно говоря, институтская реформа императрицы Маріи была первымъ широкимъ опытомъ того превращенія воспитательной системы въ политическое заложничество общества государству, что семьдесятъ лѣтъ спустя съ такимъ позорнымъ успѣхомъ возсіяла Россія въ классической реформѣ мужского образованія графомъ Д. А. Толстымъ. Но рука Маріи Федоровны была мягче, осторожнѣе, теплѣе грубой бюрократи-

ческой руки Толстого, да и масштабъ реформы значительно уже. То крушеніе латифундій, которымъ Реми де Гурмонъ объясняетъ паденіе ранняго брака въ Франціи, началось и въ Россіи. Наполеоновы войны 1812 годъ создали своеобразную экономическую революцію. Обстроившаяся послѣ французскаго пожара Москва становится „ярмаркою невѣстъ", и уже одна наличность подобной ярмарки указываетъ на ихъ плачевное перепроизводство: на свадебномъ рынкѣ женское предложеніе превышало мужской спросъ, и, слѣдовательно, многимъ родителямъ необходимо нужна стала серьезная воспитательная страховка „товара" впредь до вожделѣннаго сбыта въ законный бракъ. Софья Павловна Фамусова—наилучшій примѣръ, что „комиссія быть взрослой дочери отцомъ" была въ александровской семьѣ, дѣйствительно, не изъ легкихъ. Да—что Софья Павловна Фамусова! Прелестная Наташа Ростова въ „Войнѣ и мирѣ"—не чета этой „срамницѣ", а, между тѣмъ, какими бурями налетной страсти аттаковалъ ея дѣвичество пламенный темпераментъ! Катринъ Крапчикъ въ „Масонахъ" Писемскаго и Глафира Львовна въ „Кто виноватъ" Герцена, Наталья Павловна въ „Графѣ Нулинѣ" и Наталья Дмитріевна Горичъ въ „Горе отъ ума" - вотъ литературныя разновидности поколѣнія, которое невѣстилось

и выѣзжало въ свѣтъ въ то время, какъ Татьяна и будущія жены декабристовъ еще играли въ куклы. Скандальная хроника 1800—1820 годовъ полна дѣвическими романами, далеко не платоническими, при участіи, въ качествѣ первыхъ любовниковъ, не только смиренномудрыхъ Молчалиныхъ, но и дворовыхъ кучеровъ, поваровъ, арановъ. Традиціи животнаго разврата бабокъ и сантиментальной влюбчивости матерей смѣшались въ этомъ первомъ русскомъ женскомъ поколѣніи позднихъ браковъ и вывели изряднаго урода. Марья Федоровна протянула дворянству руку помощи съ педагогическою уздою на эти буйные пережитки XVIII вѣка, и дворянство приняло помощь съ живѣйшею благодарностью. „Вдовствующая императрица Марія“ — популярное имя двухъ царствованій. Въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія можно было часто встрѣтить стариковъ и старухъ, вспоминавшихъ о ней съ восторгомъ, какъ объ „ангелѣ на землѣ“ и „матери русской нравственности“. Главная цѣль императрицы—соединить будущія женскія поколѣнія русскаго дворянства въ монархическую лигу, беззавѣтно преданную династіи ея сыновей—сначала удалась въ совершенствѣ. Мемуары институтокъ Александровскаго и Николаевскаго времени дышатъ фанатизмомъ почти идолопоклонства какого-то къ

императорскому трону и къ императорской семьѣ. Чрезвычайно любопытны въ этомъ отношеніи оглашенныя въ девяностыхъ годахъ прошлаго столѣтія—„Записки старой смолянки“. Смольный институтъ былъ неутомимою лабораторіею женскаго монархическаго экстаза. Языкъ старыхъ смолянокъ—невыносимо надутая, слащаво-восторженная проза, непрерывный акафистъ царямъ съ палатою и воинствомъ ихъ. Это—монологи изъ драмъ Кукольника, цитаты изъ романовъ Загоскина, страницы Греча и Булгарина, противоестественно перенесенныя изъ плохой и скучной литературы въ еще скучнѣйшую жизнь. Особенно обожаемъ былъ въ институтахъ Александръ I. Все въ тѣхъ же „Русскихъ лгунахъ“ Писемскій разсказываетъ о старой институткѣ, которая, со смертью Александра I, какъ бы рѣшила, что теперь и міру конецъ, и „не признала“ восшедшимъ на престолъ ни царевича Константина, ни Николая Павловича. Когда ей надо было обратиться къ Николаю съ какою-то просьбою, старуха адресовала письмо: „Брату моего государя“. Наилучшій типическій портретъ александровскихъ институтокъ, усовершенствованныхъ муштрою Марьи Федоровны, даетъ въ „Быломъ и думахъ“ А. И. Герценъ. Позволяю себѣ выписать эти строки. „Лѣтъ пятидесяти, безъ всякой нужды, отецъ моей кузины же-

нился на застарѣлой въ дѣтствѣ воспитанницѣ Смольнаго монастыря. Такого полнаго, совершеннаго типа петербургской институтки мнѣ не случалось встрѣчать. Она была одна изъ отличнѣйшихъ учениць, и потомъ классной дамой въ монастырѣ; худая, бѣлокурая, подслѣпая, она въ самой наружности имѣла что-то дидактическое и назидательное. Вовсе неглупая, она была полна ледяной восторженности на словахъ, говорила готовыми фразами о добродѣтели и преданности, знала на память хронологію и географію, до противной степени правильно говорила по французки, и таила внутри самолюбіе, доходившее до искусственной іезуитской скромности. Сверхъ этихъ общихъ чертъ „семинаристовъ въ желтой шали“ она имѣла чисто невскія или смольныя привязанности. Она поднимала глаза къ небу, полные слезъ, говоря о посѣщеніяхъ ихъ общей матери (императрицы Маріи Федоровны), была влюблена въ императора Александра и носила медальонъ или перстень съ отрывкомъ изъ письма императрицы Елизаветы: „*Il a repris son sourire de bienveillance!*“ Типу этому суждена была страшная и вредная живучесть; еще въ восьмидесятыхъ годахъ Салтыковъ нашелъ непозднимъ обратить противъ него свои стрѣлы.

И, за всѣмъ тѣмъ, институтское воспитаніе внесло въ русскую новую жизнь много новыхъ

дрожжей, которыя, перебродивъ, подняли, въ концѣ концовъ, совсѣмъ не то тѣсто, какого добивалась чадолюбивая императрица. Если мы обратимся къ забытой беллетристикѣ дридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, то увидимъ институтку героинею въ большинствѣ тогдашнихъ романовъ и повѣстей, а Погорѣльскій (графъ Перовскій) создалъ настоящій апоѳеозъ институтки въ своей „Монастыркѣ". Институтка—царица воображенія авторовъ перваго николаевскаго десятилѣтія. При этомъ легко замѣтить, что почти никогда институтка не изображается счастливою. Попавъ въ условія дѣйствительной русской жизни, она похожа на молодую пери, для которой рай остался уже позади, а кругомъ и впереди—юдоль зрѣлищъ, способныхъ наполнять ея сердце лишь ужасомъ, скорбью, отвращеніемъ. Институтка всегда жертва подлости, грубости, обмановъ, недостойныхъ сплетень, насилія, она всюду чужой человѣкъ во враждебномъ лагерѣ, она только и дѣлаетъ, что страдаетъ и тоскуетъ. Разумѣется, не монстры - вродѣ описаннаго Герценомъ—вдохновляли Марлинскаго и его школу на подобныя идеализаціи и въ общемъ житейскомъ положеніи институтки было, какъ видно, и впрямь что-то способное вызывать искреннее сочувствіе доброжелательныхъ людей. Для институтокъ, трижды въ поэмѣ, измѣнилъ сатири-

ческому смѣху своему авторъ „Мертвыхъ душъ". Онъ долженъ былъ хорошо знать ихъ, потому что самъ былъ преподавателемъ исторіи въ Патріотическомъ институтѣ и, очевидно, сохранилъ о нихъ доброе воспоминаніе, такъ какъ, за исключеніемъ жены Манилова, институтки Гоголя написаны съ какою то жалостливою симпатіеей; въ нихъ чувствуются „голубки въ черной стаѣ вороновъ".

Политическая ошибка императрицы Маріи Федоровны, которою сломались результаты ея педагогическихъ плановъ, заключалась въ томъ, что, въ качествѣ образованной и офранцуженной нѣмки, она не умѣла вообразить себѣ современное ей россійское дворянство во всей его первобытной прелести. А потому и не предчувствовала роковой пропасти, какую щегольское институтское воспитаніе выроетъ между ея духовными дочерями и столбовою дворянскою семьею, куда этимъ заложницамъ суждено рано или поздно возвратиться. Она не приняла въ разсчетъ глубокаго и мрачнаго невѣжества рабовладѣльческой Россіи. Сотни дѣвушекъ, получившихъ въ строго охраняемыхъ институтскихъ стѣнахъ—какого бы тамъ не было направленія, но европейское, идеалистическое и сантиментальное воспитаніе, по окончаніи курса, выбрасывались въ дикую, полуграмотную, чувственную, жестокую, пьяную

орду родни, которая, даже при самыхъ лучшихъ и добродушныхъ своихъ намѣреніяхъ, возмущала дѣвушку органическимъ несоотвѣтствіемъ со всѣми добрыми чувствами и мудрыми правилами, непреложно воспринятыми ею изъ институтской морали. Сотни дѣвушекъ чувствовали себя въ родительскихъ семьяхъ не лучше, чѣмъ Даніилъ во рву львиномъ. Чуть не каждый бракъ повторялъ старинную исторію дикаря Ингомара и его греческой плѣнницы— съ тою лишь разницею, что у насъ не плѣнница возвышала до своей культуры влюбленнаго Ингомара, какъ разсказываетъ красивая легенда, а, наоборотъ, россійскій Ингомаръ мало-по-малу низводилъ плѣнницу до своего звѣринаго уровня скукою барскаго бездѣлья, а то и просто благословеннымъ дворянскимъ кулакомъ. Царствованіе Николая I—классическая пора несчастныхъ браковъ и „непонятыхъ" женскихъ натуръ. Въ стонахъ семейныхъ трагедій зачались многіе будущіе борцы женскаго вопроса, и, въ числѣ ихъ, на первомъ мѣстѣ надо вспомнить Некрасова, всю жизнь неразлучнаго съ страдальческимъ образомъ „Матери". Женское недовольство разлилось по семьямъ крѣпостниковъ волною справедливаго возмездія: жены чувствовали себя выше мужей, рабыни брака презирали своихъ повелителей и роптали. Никто изъ русскихъ классиковъ не

оставилъ болѣе яркихъ и часто потрясающихъ картинъ брачнаго разлада въ дореформенномъ дворянствѣ, какъ А. Ѳ. Писемскій. „Боярщина", „Богатый женихъ", „Масоны", „Люди сороковыхъ годовъ," „Тюфякъ", даже первая, автобіографическая часть „Взбаломученнаго моря" - сплошной, непрерывный вопль за русскую женщину, принижаемую и оскорбляемую въ неравномъ бракѣ. Нигдѣ знамя женской свободы, поднятое вдохновенною Жоржъ Зандъ, не было встрѣчено съ такою радостью, какъ въ Россіи: все, что было сильнаго въ русскомъ литературномъ и научномъ мірѣ, видѣло въ Жоржъ Зандъ свою пророчицу и примкнуло къ ней словомъ и духомъ. Послѣ Байрона не было иностраннаго писателя съ болѣе нагляднымъ вліяніемъ на русскую литературу, чѣмъ Жоржъ Зандъ. Бѣлинскій, Герценъ, Тургеневъ, Салтыковъ, Писемскій, Достоевскій, при всѣхъ своихъ индивидуальныхъ и групповыхъ различіяхъ, одинаково сходились въ жоржъ-зандизмѣ. съ одинаковою энергіей проводя въ жизнь принципы великой французской проповѣдницы. Такой успѣхъ, конечно, объясняется, прежде всего, хорошо подготовленною почвою, обиліемъ русскихъ сердецъ, накипѣвшихъ горькими слезами брачнаго разлада. Начиняя своихъ питомицъ въ житейскій путь-дорогу всѣми добродѣтелями, не прикладными къ русской

дворянской современности, вѣдомство императрицы Маріи безсознательно готовило крахъ дворянской семьѣ и тяжкими разочарованіями накопляло горючій матеріалъ для приближающихся шестидесятыхъ годовъ: воспитывало рекрутовъ отчаянія въ будущую армію женской эмансипаціи.

Всякая деспотическая школа заключаетъ въ себѣ уже то самоубійственное начало, что она—школа: лабораторія политической тенденціи. Истинно спокойно и безопасно для себя деспотизмъ можетъ управлять только совершенно безразличнымъ политически человѣческимъ стадомъ. Пресловутый девизъ николаевской цензуры, что правительства нельзя ни порицать, ни одобрять, для насъ (враговъ всякаго насилія) звучитъ дикимъ абсурдомъ, но, въ существѣ, съ самодержавной точки зрѣнія, онъ—очень дѣльный, логически правильный и практическій девизъ. Обращая институтокъ въ фанатичекъ самодержавія и православія, Марія Федоровна и ея послѣдователи, опять-таки, безсознательно нарушали этотъ девизъ: онѣ привили русской дѣвушкѣ нѣчто, до институтокъ ей совершенно чуждое,—опредѣленныя политическія убѣжденія и, главное, потребность въ политическихъ убѣжденіяхъ, привычку и жажду имѣть ихъ. Разумѣется, политическія убѣжденія институтокъ были въ пользу само-

державнаго режима, но—во первыхъ, гдѣ убѣжденія, тамъ и критика, а, во вторыхъ, гдѣ убѣжденія, тамъ и позывъ дѣйствовать. Столкновеніе съ наглядностями крѣпостной Россіи обостряло критическій процессъ въ сотняхъ молодыхъ, отзывчивыхъ на добро и правду, сострадательныхъ душъ, и ложные кумиры падали, а истинные боги приходили. Мы видѣли Герценову каррикатуру патріотической институтки, но—нѣсколькими страницами ниже тотъ же Герценъ съ любовью и восторгомъ говоритъ о другой институткѣ изъ Смольнаго монастыря, потому что этой умной и энергичной особѣ онъ обязанъ свободолюбивымъ воспитаніемъ своей жены—этой прелестной Натальи Александровны, чей поэтическій образъ навсегда останется въ русской литературѣ такимъ же грустно благоуханнымъ цвѣткомъ, какъ въ нѣмецкой—дѣвушки Гейне. Безцеремонное въ насиліяхъ надъ личностью человѣка царствованіе Николая I вело къ монархическимъ разочарованіямъ тысячи матерей, женъ, сестеръ, дочерей, невѣстъ, оскорбленныхъ и обездоленныхъ самодержавнымъ Молохомъ. Одна изъ любопытнѣйшихъ вспышекъ тайной женской оппозиціи инстинктивнаго отвращенія къ правительльству,—стихотвореніе „Насильный бракъ", совершенно неожиданно, почти непроизвольно сорвавшееся изъ-подъ патріотичес-

каго пера графини Е. Ф. Растопчиной и больно уязвившее Николая, какъ прозрачный и обидный памфлетъ на его политику въ Польшѣ. Въ „Людяхъ сороковыхъ годовъ“ Писемскій, въ лицѣ Маріи, очень просто и правдоподобно уясняетъ намъ превращеніе институтки—монархистки въ передовую женщину пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ. Передовыя писательницы эпохи—Хвощинская, Жадовская, Марко Вовчекъ—бывшія институтки. Страшный севастопольскій разгромъ самодержавія ускорилъ и обострилъ процессъ разочарованія. Его можно считать эрою, когда слово „институтка“ принимаетъ обидное значеніе существа, безнадежно отравленнаго искуственно привитою патріотическою слѣпотою, сословнымъ чванствомъ, идеалистическимъ сантиментализмомъ—всѣми нравственными тормазами изъ педагогическаго арсенала старинной реакціи. Но собственно-то говоря, Герценовы монстры были уже далеко не правиломъ, а скорѣе исключеніемъ, и репутація институтскаго цѣлаго терпѣла за часть. Институтки, вродѣ гувернантки Натальи Александровны, и развитыя ими ученицы звали и вели свой вѣкъ къ совсѣмъ другому берегу. Именно десятилѣтіе пятидесятыхъ годовъ показало, что, потерявъ одну половину своего воспитанія: дутый политическій идеалъ, русская дѣвушка развила въ себѣ другую, драго-

цѣнную половину: политическій характеръ,— способность, потребность и готовность къ общественной работѣ, огромную статическую энергію будущей политической дѣятельности. Если мы обратимся къ изящной литературѣ того времени, то—любимая, общая, истинно злободневная и глубоко волнующая общество, схема и почти неизмѣнно одна и та же у всѣхъ корифеевъ эпохи: у Тургенева, у Гончарова, у Писемскаго. Дѣвушка, сильная характеромъ, но слабая знаніемъ, ищетъ выхода изъ эгоистическаго сытаго прозябанія въ самоотверженную дѣятельность на благо общее и проситъ помощи у краснорѣчиваго мужчины, богато одареннаго талантами и знаніемъ, но слабаго характеромъ и безъ настоящаго аппетита къ политическому труду. Это—Ольга и Обломовъ въ „Обломовѣ"— это,Шаликовъ и Вѣра въ „Богатомъ женихѣ", это—Настенька и Калиновичъ въ „Тысячѣ душъ", это—Саша и баринъ въ „Сашѣ"—Некрасова, это—знаменитыя „тургеневскія женщины" и тургеневскіе же „лишніе люди". Отрицательно покаянное отношеніе къ мужскимъ характерамъ образованнаго барства, начатое Пушкинымъ, продолженное Лермонтовымъ, достигло своего апогея у реалистовъ пятидесятыхъ годовъ и, въ особенности, у Писемскаго, пропитавшаго свой стихійный талантъ глубочайшимъ благоговѣніемъ

къ современнымъ ему новымъ женщинамъ и ядовитѣйшимъ презрѣніемъ къ мужчинамъ. Жалѣть „лишнихъ людей“ началъ лишь Тургеневъ, но вывести ихъ изъ этаго плачевнаго званія, все-таки, не могъ. Чтобы соединять энергическихъ русскихъ дѣвушекъ любовными узами съ достойными ихъ людьми, русскимъ реалистамъ приходилось прибѣгать къ пріемамъ совсѣмъ не реалистическимъ: выписывать изъ Болгаріи фантастическихъ заговорщиковъ (Елена и Инсаровъ въ „Наканунѣ“), или выдумывать какихъ-то сверхъестественно дѣловитыхъ нѣмцевъ (Ольга и Шольцъ въ „Обломовѣ“).

V.

Севастопольскимъ разгромомъ кончился дворянскій періодъ русской культуры. Буря всколыхала русское море до дна, во всѣхъ слояхъ его. Непочатыя глубины поплыли наверхъ. Крѣпостное право зашаталось и рухнуло. Россія не могла и не хотѣла болѣе оставаться государствомъ ни военнымъ, ни дворянскимъ. Кличъ всесословности проносится надъ страною, вызывая къ жизни рядъ либеральныхъ, уравнительныхъ реформъ Александра II. Развитіе ихъ непродолжительно. Чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе самодержавное правительство чувствуетъ

себя на пути ложномъ,—едва дана реформа какъ въ ней уже раскаиваются и пытаются ограничить ее попятными мѣрами. Къ концу шестидесятыхъ годовъ маски сброшены: правительство Александра II повернуло въ открытой реакціи. Но было поздно, да и никогда не было рано: время требовало своего, выросшее и огромно расширенное общество искало правъ, и, когда монархія отказалась довершить реформы, ихъ взялась дать Россіи революція. Для нея кончился легендарный періодъ романтической красоты, начатый декабристами и продолженный лондонскими изгнанниками. Революція изъ литературы перешла въ жизнь и потребовала къ отчету и въ свои ряды всѣхъ, кто въ нее вѣрилъ. Она кипитъ полвѣка, тяжкими героическими жертвами слагая свои мученическія побѣды и все, что сохранилось и вновь выростаетъ порядочнаго въ политическомъ строѣ Россіи, обязано своимъ происхожденіемъ ей, потому что вынуждено страхомъ предъ нею. Мы живемъ въ самый обостренный ея періодъ, наиболѣе мученическій и наиболѣе побѣдоносный. Хочется вѣрить, что близко берегъ. Хочется вѣрить, что всѣ частичныя побѣды, вырванныя революціей у самодержавной монархіи, скоро сольются въ одной великой общей побѣдѣ, которая освѣтитъ наше отечество солнцемъ народнаго правительства, сво-

бодно сложеннаго всѣми расами, націями, исповѣданіями, сословіями и профессіями великой русской громады, въ равномъ представительствѣ обоихъ половъ.

Оглянемся на колоссальную роль женщины въ воинственномъ пятидесятилѣтіи русской революціи. Дворянскій политическій крахъ заставилъ искать другихъ общественныхъ слоевъ, куда бы перемѣстить надежды Россіи, — не только тѣхъ великихъ „кающихся дворянъ", которымъ русскій народъ обязанъ первыми программами и кодексами своей свободы,—необходимость устремиться въ глубь отчасти понимали и люди правительства. Пятидесятые годы—счастливая пора изученія русской народности. Литературная группа беллетристовъ—этнографовъ, покровительствуемая великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ, славянофилы „Русской Бесѣды", побѣдоносные семинаристы и разночинцы прогрессивныхъ группъ равно ищутъ народныхъ слоевъ, годныхъ подъ фундаментъ новаго общественнаго зданія.

Ищутъ народности географически, ищутъ ея сословно и, по пути, открываютъ женщину низшихъ русскихъ классовъ, забытую чуть не съ вѣчевыхъ временъ. Островскій находитъ ее въ купечествѣ и пишетъ „Грозу", привѣтствуемую Добролюбовымъ, какъ „Лучъ свѣта въ

темномъ царствѣ“. Писемскій—въ крестьянствѣ и создаетъ „Горькую судьбину“, которую. и сорокъ лѣтъ спустя, невозможно смотрѣть безъ волненія. Марко Вовчекъ пишетъ протестующую поповну. Мельниковъ—Печерскій одною рукою, чиновничьею, беретъ взятки съ раскольниковъ и ломаетъ старобрядческія часовни, а другою, литераторскою, славитъ игуменій и скитницъ той самой двуперстной вѣры, которую онъ гонитъ, какъ богатырскія кряжевыя натуры, полныя нетронутой почвенной силы: какія-то Мареы—посадницы будущаго! Помяловскій бросился съ „Молотовымъ“ и „Мѣщанскимъ счастьемъ“ въ мелкое чиновничество, выбранился по пути „кисейною барышнею“, но и здѣсь нашелъ и Надю, и Леночку, свѣжія дѣвственныя силы большого характера, ищущія новой жизни. Сразу всплыла со всѣхъ угловъ русская женская жизнь, таившаяся подъ спудомъ, и всюду, на всѣхъ пунктахъ жизни, оказалась она одинаково полною громкаго протэста, одинаково ищущею выхода изъ мрака къ свѣту, одинаково враждебною насиліямъ старины и алчущею свободы, знанія и самостоятельной дѣятельности. Сводя счеты съ царствованіемъ Николая I, наблюдатели съ изумленіемъ видѣли, что на 7.000 крѣпостныхъ, сосланныхъ въ Сибирь по волѣ помѣщиковъ, было болѣе трети женщинъ. Въ 1819 году, въ

чугуевскомъ бунтѣ, женщины вели возставшихъ казаковъ. 29 изъ этихъ воительницъ были брошены подъ розги и ни одна не попросила пощады. Когда одного изъ зачинщиковъ запороли на смерть, старуха-мать его—въ присутствіи генераловъ-палачей—подвела внуковъ къ трупу отца:

— Учитесь хлопцы у батьки умирать за громаду!

Въ севастопольскомъ бунтѣ 1830 года 375 женщинъ приговорены къ гражданской смерти: онѣ шли на пушки и несли, и вели предъ собою своихъ дѣтей. Новгородскій бунтъ военныхъ поселянъ былъ также вдохновляемъ женщинами. Въ судебныхъ дѣлахъ о неповиновеніи крѣпостныхъ помѣщичьей власти—женщинъ 25 %. Могучія настроенія свободы всегда находили откликъ въ сердцахъ русскихъ женщинъ на всѣхъ общественныхъ ступеняхъ и, однажды выйдя на защиту какихъ либо попранныхъ правъ, русская женщина далеко опережала мужчинъ энергіей и стойкостью своего святого фанатизма.

Учиться и освобождаться—стихійный женскій потокъ, смутившій своей широкою волною даже тѣхъ, кто его будилъ къ жизни. Жоржъ-зандисты сороковыхъ годовъ очень сплоховали, когда русская женщина взялась добиваться эмансипаціи рѣшительно и серьезно. Даже Тур-

геневъ, съ грустною ревностью „лишняго человѣка“, закрылъ глаза на Лизу, Наталью и Елену, когда онѣ, не дождавшись на свои „проклятые вопросы“ отвѣта отъ Рудиныхъ и Лаврецкихъ, пошли искать учителей въ Добролюбовѣ, Чернышевскомъ, въ молодой редакціи „Современника,“ въ Писаревѣ, Некрасовѣ, Салтыковѣ. Тургеневъ уклончиво отдѣлался отъ новыхъ женщинъ каррикатурами Евдоксіи Кукшиной и Матрены Суханчиковой и только въ „Нови“ попробовалъ найти для освобождающейся дѣвушки симпатичныя краски Маріаны. Но и то было поздно: картина устарѣла и „не вышла“. Писемскій грязно плевался фельетонами Никиты Безрылова и „Взбаломученнымъ моремъ“. Гончаровъ сокрушался о грѣшной строптивой Вѣрѣ и возводилъ на пьедесталъ, какъ богиню „женственности“, красивую двуногую телку, кроткую Мареиньку. Если прослѣдить въ литературѣ 1860—1870 годовъ отношеніе авторовъ къ женскому вопросу, то наблюдается слѣдующее странное дѣленіе: противъ новыхъ женщинъ всѣ крупные беллетристы эпохи, но ни одного сколько-нибудь талантливаго публициста, за новыхъ женщинъ —всѣ первоклассные публицисты въ прозѣ и стихахъ, но ни одного крупнаго беллетриста. Чернышевскій взялся поправить пробѣлъ и, въ стѣнахъ Петропавловской крѣпости, напи-

салъ „Что дѣлать“: романъ соціалистическихъ грезъ, лишенный художественнаго значенія, но опредѣляющій цѣлую эпоху въ русскомъ женскомъ вопросѣ своимъ громовымъ успѣхомъ, котораго вполнѣ заслужила его дидактическая энергія, строгая ясность силлогизмовъ, стойкость и логическая доказательность програмы. Вѣра Павловна—эта Елена изъ тургеневскаго „Наканунѣ“ въ демократическомъ варіантѣ, наконецъ нашедшая себѣ русскій идейный бракъ и русское идейное дѣло,—стала идеаломъ для сотенъ образованныхъ дѣвушекъ и женщинъ, а мастерская ея—откровеніемъ ихъ и руководствомъ къ практической работѣ. Участвуя въ недавней газетной компаніи въ пользу разрѣшенія „Что дѣлать“ къ обращенію въ Россіи, я долженъ былъ изучить полемическія нападки на романъ и перечитать всѣхъ, кто сему яду пытался дать противоядіе. Ничто не возмущало ихъ больше стремленія женщинъ сложиться въ рабочеобразовательныя ассоціаціи. Свободные трудъ и общежитія коммуны, женщинъ, сбросившихъ съ себя зависимость отъ мужней власти и отцовской опеки, вызывали ярое озлобленіе, цѣлые томы клеветъ и доносовъ по начальству. Особенно знаменита осталась въ лѣтописи женской эмансипаціи петербургская коммуна, организованная Слѣпцовымъ, не по-

тому, что она была удачна, но потому, что ее аттаковали съ нарочитымъ бѣшенствомъ. Противъ нея направлены два романа: „Некуда" Лѣскова и часть „Кроваваго пуфа" Всеволода Крестовскаго. Эта эпоха трагическихъ воплей объ угнетенныхъ дочерями родителяхъ и обиженныхъ женами мужьяхъ. Въ дѣйствительности же, *patria potestas* стояла на фундаментѣ своемъ столь прочно и такъ мало расчитывала поступиться своими правами, что десятки дѣвушекъ, чтобы вырваться изъ-подъ семейнаго гнета, вступали въ фиктивные браки съ мужчинами одинаковыхъ съ ними убѣжденій, получая отъ мужа немедленно вслѣдъ за обрядомъ вѣнчанія отдѣльный видъ на жительство, съ полною свободою дѣйствія Въ концѣ шестидесятыхъ и въ первой половинѣ семидесятыхъ годовъ фиктивный бракъ становится въ русской интеллигенціи только что не институтомъ обычнаго права. Особенно усердно прибѣгали къ нему дѣвушки, желавшія получить заграничный паспортъ, чтобы учиться въ Цюрихѣ, Парижѣ, Гейдельбергѣ. Политическіе процессы семидесятыхъ годовъ провели предъ глазами русской публики десятки фиктивныхъ женъ и фиктивныхъ мужей. Интересно въ этомъ отношеніи „дѣло пятидесяти" (1877 года), гдѣ фиктивный бракъ, вообще, то и дѣло является, какъ излюбленное

и очень удачное орудіе совсѣмъ не брачныхъ цѣлей. Въ частности же имѣлся въ немъ такой эпизодъ, очень полно характеризующій смыслъ и цѣль этого освободительнаго компромиса. Свидѣтель священникъ Ансеровъ обвинялъ подсудимыхъ сестеръ Субботиныхъ въ томъ, что онѣ сбивали дочь его, гимназистку, на выѣздъ за границу съ цѣлью полученія высшаго образованія: у дѣвушки были большія математическія способности. Такъ какъ Ансеровъ не соглашался отпустить дочь ранѣе, чѣмъ она выйдетъ замужъ, то Субботины не замедлили подыскать подругѣ фиктивнаго жениха, въ лицѣ Кардашева, тоже подсудимаго по дѣлу пятидесяти. Но Ансеровъ прозрѣлъ хитрость, и бракъ не состоялся. Въ семьѣ не безъ урода, и впослѣдствіи многіе изъ фиктивныхъ браковъ стали очень фактическимъ несчастіемъ, для сторонъ, ихъ заключившихъ; были мужья, которые, измѣнивъ принципамъ идейнаго братства, нагло порабощали своихъ номинальныхъ женъ предъявленіемъ супружескихъ правъ по закону; были и жены, которыя, старѣя, болѣя утомлялись жизнью, очень безцеремонно садились на шею своихъ условныхъ супруговъ. Но несравненно больше примѣровъ, что фиктивный бракъ обращался въ фактическій и иногда очень счастливый—съ теченіемъ времени, по взаимному уваженію и сознательной

любви ознакомившихся супруговъ. Вѣдь и бракъ Вѣры Павловны съ Лопуховымъ, собственно говоря, сложился въ бракъ такимъ образомъ, а въ началѣ онъ тоже фиктивный, ради законнаго бѣгства отъ папеньки съ маменькой. И, наконецъ, *nomina sunt odiosa*, но можно бы указать примѣры фиктивныхъ браковъ, тянувшихся десятки лѣтъ, при строгомъ сохраненіи мужемъ и женою дружескихъ отношеній, съ честнымъ соблюденіемъ обоюдной свободы во всѣхъ отношеніяхъ. Достоевскій бросилъ очень черныя краски на нигилистическій фиктивный бракъ въ „Бѣсахъ“ (чета Шатовыхъ). Какъ всякій компромиссъ, и этотъ обычный институтъ семидесятыхъ годовъ заключалъ въ себѣ самоубійственныя противорѣчія, которыя своими неудобствами и свели его на нѣтъ. Но грязно клеветали тѣ, кто, какъ, впослѣдствіи, Дьяковъ и Цитовичъ, старались изобразить фиктивные браки „нигилистовъ“ уловкою для распутныхъ людей разнуздать свои прихоти и похоти. Здѣсь не тѣло выходило за тѣло, а документъ за документъ. Насколько мало значенія придавали фиктивно брачущіеся, не говоря уже о половомъ интересѣ, просто вопросу личности, можетъ служить примѣромъ опять-таки „дѣло пятидесяти“: княгиня Циціанова, рожденная Хоржевская, вышла замужъ (фиктивно) за князя Александра Цицанова въ го-

родѣ Одессѣ и вѣнчалась съ нимъ 13-го іюля 1857 года, т. е. въ тотъ же самый день, когда князь Александръ Циціановъ присутствовалъ въ качествѣ свидѣтеля въ г. Москвѣ при бракосочетаніи (тоже фиктивномъ) супруговъ Гамкрелидзе.

VI.

„Много, очень много обвиненій сыпалось на насъ со стороны г. прокурора. Относительно фактической стороны обвиненій я не буду ничего говорить,—я всѣ ихъ подтвердила на дознаніи, но относительно обвиненій меня и другихъ въ безнравственности, жестокости и пренебреженіи къ общественному мнѣнію, относительно всѣхъ этихъ обвиненій я позволю себѣ возражать и сошлюсь на то, что тотъ, кто знаетъ нашу жизнь и условія, при которыхъ намъ приходится дѣйствовать, не броситъ на насъ ни обвиненія въ безнравственности, ни обвиненія въ жестокости“.

Эти спокойныя, скромныя слова русской дѣвушки—революціонерки были произнесены почти что подъ висѣлицею: это - послѣдне слово подсудимой Софьи Перовской въ отвѣтъ на обвинительную рѣчь Муравьева по дѣлу 1-го марта. Въ половинѣ девяностыхъ годовъ я имѣлъ случай познакомиться съ старымъ свит-

скимъ генераломъ, который допрашивалъ Перовскую. Этотъ человѣкъ пропустилъ сквозь свои руки сотни, если не тысячи, борцовъ русскаго освободительнаго движенія, смотрѣлъ на нихъ съ чиновнаго высока, равнодушно-злобно, какъ на беззащитнаго врага, подлежащаго, сколько онъ тамъ ни барахатайся, роковому, непремѣнному растоптанію. Но Перовскую онъ уважалъ.

— За что?

Генералъ долго молчалъ, потомъ признался:

— Ужъ очень она насъ презирала. Другія ненавидѣли, а эта презирала.

Мужество сознательнаго энтузіазма борьбы и презрѣнія къ врагу не оставило Перовскую до роковой петли. Ужасный экзаменъ смертной казни былъ ею выдержанъ съ безпримѣрнымъ мужествомъ Почти не слыханная вещь произошла: всѣ казнимые, какъ бы храбро ни встрѣчали конецъ свой, блѣднѣютъ на эшафотѣ, а Софья Перовская вдругъ загорѣлась румянцемъ, точно невѣста предъ алтаремъ.

Софья Перовская—заключительное по энергіи слово того политическаго энтузіазма, въ которомъ жила и которымъ жила женщина семидесятыхъ годовъ. Лучшую характеристку этого энтузіазма дала въ 1874 году записка испуганнаго врага - высочайшій докладъ министра юстиціи гр. Палена. Этотъ докладъ при-

писываетъ главный успѣхъ революціонной пропаганды „имѣющимся въ ея средѣ въ немаломъ количествѣ молодымъ женщинамъ и дѣвушкамъ“, содѣйствовавшимъ „покрыть сѣтью революціонныхъ кружковъ большую половину Россіи“. Изъ 23 пунктовъ пропаганды, поименованныхъ Паленомъ, 6 находились подъ руководствомъ женщинъ: Лешернъ фонъ Герцфельдъ, Субботиной, Цвѣтковой, Андреевой, Колесниковой, Брешковской, Охременко. Паленъ съ нескрываемымъ ужасомъ отмѣчаетъ факты многочисленныхъ побѣдъ революціи въ семейныхъ нѣдрахъ самыхъ, казалось бы, благонадежныхъ и монархическихъ очаговъ. „Такъ, — жалуется онъ, жена оренбургскаго жандармскаго полковника Голоушева не только не отклоняла сына своего отъ участія въ дѣлѣ, а, напротивъ того, помогала ему совѣтами и свѣдѣніями. Такъ, весьма богатая и уже пожилая женщина, курская помѣщица Софья Субботина, не только лично вела революціонную пропаганду среди ближайшаго крестьянства, но склонила къ тому же свою воспитанницу Шатилову и дочерей, даже несовершеннолѣтнихъ, посылала доканчивать образованіе въ Цюрихъ. Такъ, дочери дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ, Наталья Армфельдъ, Варвара Батюшкова и Софья Перовская, дочь генералъ-маіора Софья Лешернъ фонъ Герцфельдъ и многія другія шли въ народъ, зани-

мались полевыми поденными работами, спали вмѣстѣ съ мужиками, товарищами по работѣ, и за всѣ поступки, повидимому, не только не встрѣчали порицанія со стороны своихъ родственниковъ и знакомыхъ, а, напротивъ, сочувствіе и одобреніе". По счету Палена, на 620 мужчинъ, привлеченныхъ въ 37 губерніяхъ по политическимъ дѣламъ, приходится 158 женщинъ. Это отношеніе 1 : 4, очень характерно,— болѣе того: оно національно, если мы вспомнимъ указанное выше 25 процентное же отношеніе женщинъ къ мужчинамъ въ простонародныхъ бунтахъ николаевскаго времени и въ ссылкѣ за неповиновеніе помѣщичьей власти.

Женщины чайковцевъ, женщины долгушинцевъ, женщины нечаевскаго дѣла... Но первымъ политическимъ процессомъ, который потрясъ общество зрѣлищемъ именно женской революціонной готовности, остается всетаки „дѣло пятидесяти", съ шестнадцатью обвиняемыми женщинами. Изъ нихъ шесть пошли на каторгу, двѣ—въ рабочій домъ, а остальныя въ Сибирь на поселеніе.

Глазамъ не вѣрю—
На казнь итти и гимны пѣть
И въ пасть некормленному звѣрю
Безъ содроганія глядѣть! —

Это мрачное изумленіе майковскаго Деція

охватило всю старую Россію, когда предъ нею, какъ восторженно разсказываетъ Степнякъ, „лучезарныя фигуры дѣвушекъ, съ спокойнымъ взоромъ и съ дѣтски безмятежной улыбкой на устахъ прошли туда, откуда нѣтъ возврата, гдѣ нѣтъ мѣста надеждѣ“. Умирающій Некрасовъ послалъ участницамъ дѣла стихотвореніе— послѣдній стонъ своей измученной души. Потрясенный, растерянный Полонскій явился простодушнымъ выразителемъ общественнаго смущенія, написавъ чуть ли не лучшую и самую страстную свою вещь:

Что мнѣ она? Не жена, не любовница
И не родная мнѣ дочь;
Такъ, отчего жъ ея доля проклятая
Спать не даетъ мнѣ всю ночь?

и. т. д.

А Тургеневъ глубоко задумался и пріѣхалъ въ Петербургъ, чтобы присутствовать на политическомъ процессѣ Южнорусскаго рабочаго союза, отдѣленномъ отъ „дѣла пятидесяти“ двумя мѣсяцами. И въ высшей степени знаменательно, что сербскій переводчикъ „Нови“ не нашелъ лучшаго способа комментировать этотъ политическій романъ, какъ—приложивъ къ нему предисловіемъ послѣднее слово С. И. Бардиной.

У каждаго политическаго движенія есть

свои мистики. Одинъ изъ нихъ, въ глухомъ сибирскомъ городкѣ, увѣрялъ меня, что для русской женской эволюціи вообще, а для революціи, въ особенности, апокалипсическое имя —Софья. Оно, дѣйствительно, чрезвычайно часто повторяется и въ боевыхъ революціонныхъ реляціяхъ: Софья Перовская, Софья Лешернъ, Софья Бардина, Софья Гинсбургъ, и въ лѣтописяхъ научнаго женскаго движенія: Софья Кавелина, Софья Кавалевская. Софьѣ Перовской, какъ террористкѣ, суждено было взять самую высокую ноту революціоннаго діапазона. Софьѣ Бардиной—выпало на долю суммировать причины, сдѣлавшія русскую женщину душою революціи. Ея знаменитое послѣднее слово на судѣ. Евангеліе той „мирной культурной пропаганды", которою дышало русское освободительное движеніе до перелома, ознаменованнаго выстрѣломъ Вѣры Засуличъ. Я позволю себѣ напомнить два мѣста изъ этой общей программы, гдѣ Софья Бардина, какъ женщина, говоритъ за женщинъ:

— Относительно семьи я также не знаю: подрываетъ ли ее тотъ общественный строй, который заставляетъ женщину бросать семью и итти для скуднаго заработка на фабрику, гдѣ неминуемо развращаются и она, и ея дѣти; тотъ строй, который вынуждаетъ женщину, вслѣдствіе нищеты, бросаться въ проституцію

и который даже санкціонируетъ эту проституцію, какъ явленіе законное и необходимое во всякомъ благоустроенномъ государствѣ; или подрываемъ семью мы, которые стремимся искоренить эту нищету, служащую главнѣйшей причиной всѣхъ общественныхъ бѣдствій, въ томъ числѣ и разрушенія семьи?

И—конецъ рѣчи, который хорошо и справедливо звучитъ еще и для нашихъ дней:

— Наступитъ день, когда даже и наше сонное и лѣнивое общество проснется и стыдно ему станетъ, что оно такъ долго позволяло безнаказанно топтать себя ногами, вырывать у себя своихъ братьевъ, сестеръ и дочерей и губить ихъ за одну только свободую исповѣдь своихъ убѣжденій! И тогда оно отомститъ за нашу гибель... Преслѣдуйте насъ—за вами пока матеріальная сила; но за нами сила нравственная, сила историческаго прогресса, сила, идеи а идеи—увы!—на штыки не улавливаются!

Бардина, безъ ложной скромности, могла бы прибавить:

— А не улавливаются идеи на штыки потому, что мы идемъ на штыки за идеи! И идемъ не однажды, не случайно, не мгновеннымъ порывомъ и вдохновеніемъ страсти, но изо дня въ день, годъ за годомъ, всю свою жизнь!

Для всѣхъ этихъ женщинъ, покуда онѣ въ Россіи, жизнь дѣлится на тюрьму и дѣятель-

ность. Если онѣ не въ тюрьмѣ, значитъ—онѣ агитируютъ. Если онѣ не агитируютъ, значитъ, онѣ въ тюрьмѣ. Какой фантастическій романъ можетъ сравниться съ біографіей Перовской, съ ея арестами, побѣгами, переодѣваніями, отчаянною работою въ подкопахъ, тюрьмами и перелетами изъ конца въ конецъ по Россіи! Но вѣдь Перовская—только наиболѣе типическая индивидуальность, болѣе или менѣе такъ жили всѣ ея подруги по дѣлу. Ихъ фанатизмъ къ работѣ свободы страшенъ въ своей несокрушимой гибкости, какъ клинокъ толедской стали. Когда въ 1878 г. не удалась вооруженная попытка отбить у жандармовъ Войнаральскаго, участники покушенія гораздо больше, чѣмъ полиціи, боялись: что скажутъ женщины партіи? Что скажетъ Перовская? Гартманъ съ товарищами рѣшили, въ случаѣ обыска, не отдаваться живыми, похоронить себя вмѣстѣ съ жандармами подъ развалинами дома. Но у кого не дрогнетъ рука произвести самоубійственный взрывъ? Общимъ рѣшеніемъ выбираютъ Перовскую. Софьѣ Лешернъ смертная казнь замѣнена пожизненною каторгою. Она впала въ истерику и рыдала весь день, оскорбленная, что у нея отняли честь умереть съ товарищами — Браднеромъ, Антоновымъ и Осинскимъ. Лешернъ была взята при вооруженномъ сопротивленіи. Гдѣ жен-

щины революціи, тамъ, послѣ выстрѣла Засуличъ, почти всегда и вооруженное сопротивленіе. Онѣ не боялись ни боя, ни тюрьмы, ни казней. Онѣ — „неисправимыя". Кутиновская бѣжитъ изъ Нерчинска. На свободу? Нѣтъ — только, чтобы стрѣлять въ генералъ-губернатора Ильяшевича. Имя Вѣры Засуличъ впервые мелькаетъ мимоходомъ еще въ нечаевскомъ процессѣ! Кто разъ появился на роковомъ красномъ фонѣ, остается на немъ вѣчно, лишь перемѣщаясь, какъ свѣтящаяся муха. Мужчины устаютъ, мужчины мѣняютъ мнѣнія, мужчины иногда просятся на отдыхъ и сдаются на капитуляцію подъ милостивыя условія частныхъ амнистій. Въ женской революціи процентъ сдающихся до того ничтоженъ, что даже не легко припоминаются имена. Въ организаторскихъ съѣздахъ 1879 года, рѣшившихъ судьбу Александра II, участвовали равно мужчины и женщины, но женская группа ихъ не выдѣлила, впослѣдствіи, ни Тихомирова въ кофточкѣ, ни Гольденберга въ юбкѣ. Когда женщина старой русской революціи устаетъ и не надѣется на свои силы, чтобы далѣе нести свой крестъ мести и печали, у нея одинъ выходъ—въ могилу. Бывали годы, наполненные такимъ отчаяніемъ женскимъ, что самоубійства повторялись чуть не эпидемически. Ужасенъ въ этомъ отношеніи некрологъ 1883-го

года, въ теченіе котораго въ Женевѣ застрѣлилась Софья Бардина, въ Бернѣ отравилась Евгенія Завадская, въ Красноярскѣ отравилась Колотилова, въ Енисейскѣ—Лидія Клейнъ, въ домѣ предварительнаго заключенія повѣсилась Настасья Осинская, сестра знаменитаго Валеріана Осинскаго, повѣшеннаго въ Кіевѣ въ 1879 году — и рабочій Бочинъ въ Якутской области задушилъ Елену Южакову, въ развязкѣ романической исторіи, что, собственно говоря, слѣдуетъ отнести тоже къ разряду нравственныхъ самоубійствъ. И все-таки, опять надо сказать: женскіе нервы выдерживали борьбу съ большею выносливостью, чѣмъ мужскіе. Просматривая въ книгѣ Бурцева некрологи революціи съ 1875 года по тюрьмѣ и ссылкѣ и дѣлаетъ болѣе удачными ихъ по 1896 годъ, я подсчиталъ 48 мужскихъ самоубійствъ на 15 женскихъ. Количество женскихъ сумасшествій относится къ мужскому, какъ 5 : 12. Цифры эти, конечно, далеки отъ точности и, притомъ, говорятъ только о вождяхъ, такъ сказать, объ аристократіи движенія: масса отъ нихъ ускользнула и врядъ ли поддается подсчету,—но схему отношеній онѣ, во всякомъ случаѣ, даютъ—съ достаточною выразительностью. Наоборотъ, выносливость физическая, какъ и слѣдовало ожидать, несравненно дольше сохраняетъ мужчинъ въ тюрьмѣ и ссылкѣ и дѣлаетъ

болѣе удачными ихъ побѣги. Для женщины Восточная Сибирь и каторжная тюрьма смертный приговоръ, растянутый не болѣе, какъ на два, на три года, много—на пять лѣтъ. Поразительный примѣръ Вѣры Фигнеръ, которую не могли ни заморить, ни измѣнить двадцать лѣтъ шлисельбургской кельи, своею исключительностью только подчеркиваетъ общее правило. Уходя въ революцію, женщина твердо знала, что обрекаетъ себя на смерть скорую и неминуемую—отъ правительственной ли кары, отъ своей ли руки, что революціонная работа есть самый быстрый и вѣрный способъ украсть у себя жизнь. Но рѣдко кого смущало это сознаніе. Сильные женскіе характеры встаютъ одинъ за другимъ непрерывною цѣпью—и не только по одиночкѣ, а очень часто цѣлыми группами. Революція имѣетъ свои женскія династіи: сестры Фигнеръ, сестры Любатовичъ, Субботины. Разсматривая женскія революціонныя самоубійства, не трудно видѣть, что большинство ихъ создано или, дѣйствительно, такою безысходностью положенія, что только и остается—перерѣзать себѣ осколкомъ стакана сонную артерію, какъ Гинсбургъ въ Шлиссельбургѣ, или вполнѣ понятнымъ отчаяніемъ ранней юности. Въ 1881 году въ Красноярскѣ повѣсилась семнадцатилѣтняя Викторія Гуковская, осужденная на поселеніе по одесскому

дѣлу въ 1879 году, когда ей было всего 14 лѣтъ. Не то удивительно, что ребенокъ лишилъ себя жизни,—удивительно, что онъ терпѣлъ жизнь два года!

VII.

Система „просвѣщеннаго абсолютизма“ оказалась не по плечу русской монархіи, и въ 1887 году императоръ Александръ III написалъ на докладѣ графа Делянова свою знаменитую резолюцію:

— Прекращай образованіе!

Резолюція опоздала: Александръ III, съ обычною ему откровенностью неуклюжаго человѣка, только прямо приказалъ и назвалъ по имени процессъ, длившійся уже 15 лѣтъ. Для мужского образованія рѣшительною эрою прекращенія была побѣда толстовской классической системы. Для женскаго — одновременное правительственное сообщеніе, направленное противъ русскихъ студентокъ въ Цюрихѣ, отъ 21 мая 1873 года. Этотъ замѣчательный документъ, сохранившись для потомства, будетъ возбуждать въ грядущихъ вѣкахъ такое же печальное изумленіе, съ какимъ мы читаемъ „Молотъ на вѣдьмъ“ какого-нибудь Спренгера или „Демономанію колдуній“ Бодена: несокрушимый мавзолей человѣческаго самодурства и

лукаваго суевѣрія! Извѣстно, что въ документѣ этомъ русскія учащіяся женщины приравнены къ проституткамъ, а дѣвушки обвинены въ изученіи акушерства съ специальною цѣлью дѣлать выкидыши. За неимѣніемъ другого авторитета къ подтвержденію этихъ сплетенъ, правительственному сообщенію пришлось ссылаться на квартирныхъ хозяекъ города Цюриха: Марта Швердлейнъ приглашена въ судьи и законодательницы нравственности! Въ политической части своей документъ гласитъ чистосердечно: не желаю студентокъ за границею, потому что ими держится революціонная почта и создается вихрь политической агитаціи. „Правительство не можетъ допустить мысли, чтобы два три докторскіе диплома могли искупить зло, и потому признаетъ необходимымъ положить конецъ этому ненормальному движенію“.

Такимъ образомъ, государство не постѣснялось оклеветать своихъ образованныхъ женщинъ предъ цѣлымъ міромъ. Правда, что, мимоходомъ, оно и себя не пожалѣло въ этомъ правительственномъ сообщеніи, торжественно и буквально провозгласивъ себя „отставшимъ отъ другихъ европейскихъ государствъ“. Клевета эта русскимъ учащимся женщинамъ, что называется, сокомъ вышла—даже и за границею, не говоря уже объ отечественныхъ нѣдрахъ. Невѣроятный цинизмъ правительствен-

наго сообщенія важенъ и любопытенъ еще и тѣмъ, что онъ санкціонировалъ почти дословно литературную травлю и полемическія идеи Лѣскова, Клюшникова, Всеволода Крестовскаго, Болеслава Маркевича, Авенаріуса, отчасти Достоевскаго и другихъ борцовъ противъ женскаго просвѣтительнаго движенія, всуе призывавшихъ имя „семейнаго начала". Въ будущемъ же правительственное сообщеніе приготовило полную программу для публицистической порнографіи Цитовича, для пасквилей Дьякова-Незлобина и для фельетонной дѣятельности гг. Мещерскаго и Буренина, благополучно длящейся даже и до сего дня. Не достаетъ въ программѣ только пагубнаго вліянія инородцевъ и, въ особенности, евреевъ. Какъ ни дико правительственное сообщеніе, все же оно датировано царствованіемъ Александра II, когда государство не усовершенствовалось еще до взаимотравли гражданъ своихъ кишиневскими и бакинскими погромами. Но и этотъ малый пробѣлъ государственнаго акта былъ успѣшно пополненъ усердіемъ частныхъ добровольцевъ— ташкенцовъ слова, ташкенцовъ печати, ташкенцовъ дѣйствія. Два свойства поражаютъ безпристрастнаго человѣка, когда онъ читаетъ плоды двадцатипятилѣтней литературно-государственной войны съ женскимъ умомъ: откровенный ирреализмъ ея — совершенное отсут_

ствіе фактическаго наблюденія, да и нежеланіе наблюдать, и головной развратъ всѣхъ этихъ отсебятинъ, преподносившихъ обществу, подъ видомъ семейной сатиры и морали, безудержную и вычурную порнографію. Больше всего претерпѣвали отъ этихъ половыхъ извращеній общественной мысли женщины—врачи. Не только отдаленные потомки, но уже и молодые люди XX-го вѣка съ трудомъ повѣрятъ, что, всего пятнадцать лѣтъ назадъ, можно было изображать сельскую школу уютнымъ и чуть не бархатами обитымъ, гнѣздышкомъ устарѣвшей полудѣвицы на содержаніи вліятельнаго земца; въ школѣ говорятъ по французски, смакуютъ Арманъ Сильвестра и пьютъ тонкіе ликеры. Между тѣмъ, это лишь одна изъ невиннѣйшихъ фантазій, которыми угощалъ свою публику покойный и, я думаю, тогда уже полубезумный Житель.

Инородческое вліяніе на женскій вопросъ въ Россіи опредѣляется соприкосновеніемъ русскаго прогресса съ польскимъ освободительнымъ движеніемъ и еврейскимъ равноправіемъ. Польское вліяніе сказывалось на русскихъ дѣвушкахъ болѣе отвлеченно,—какъ общій примѣръ неутомимаго національнаго стремленія къ свободѣ. Первый русскій политическій процессъ въ которомъ участвуетъ женщина,—въ 1855 году, Возницкаго съ дочерью, за распро-

страненіе въ Тамбовской губерніи прокламаціи о возстановленіи Польши. Въ 1863 году русскія образованныя женщины стояли нравственно на польской сторонѣ, какъ, впрочемъ, и большая часть тогдашней интеллигенціи. Было много участницъ повстанья не только мыслью и словомъ, но и дѣломъ. Знаменитая Анна Пустовойтова тутъ не примѣръ, потому что она была полька по матери, получила польское воспитаніе, жила и вращалась, исключительно, въ польскомъ обществѣ, такъ что русскаго въ ней только фамилія. Но были русскія сестры милосердія въ польскомъ лагерѣ, были свѣтскія женщины, энергично собиравшія деньги для повстанцевъ. На это въ одинъ голосъ жалуются всѣ художественные и фактическіе лѣтописцы-патріоты той эпохи: Лѣсковъ, Всеволодъ Крестовскій и, въ особенности, Клюшниковъ, выбравшій для своего „Марева" героинею русскую амазонку въ польской бандѣ. Но гораздо серьезнѣе этихъ единичныхъ явленій оказалось то сердечное сочувствіе и участіе, съ какимъ русскія женщины встрѣтили плѣнныхъ польскихъ бойцовъ за свободу послѣ муравьевскихъ проскрипцій. Вліяніе ссыльныхъ поляковъ на русскую интеллигенцію началось еще съ Екатерининскихъ временъ, но никогда не получало большей интенсивности, чѣмъ послѣ 63-го года. Учениковъ и, въ особенности,

ученицъ польскихъ ссыльныхъ колоній мы видимъ въ той „молодой Сибири“, которая неизмѣнно оказывается на передовыхъ постахъ каждаго русскаго освободительнаго движенія. Помимо теоретическихъ средствъ культурнаго воздѣйствія, громадное значеніе имѣли, конечно, смѣшанные польско-русскіе браки. Матери-польки подарили русскому обществу много доблестныхъ сыновей и дочерей. Мать Некрасова была полька. Съ 1896 года я, съ постояннымъ вниманіемъ, слѣжу за процессомъ, покуда еще очень отвлеченнымъ и теоретическимъ, такъ называемаго польско-русскаго примиренія. Никто не вноситъ въ него столько доброжелательной страстности, какъ женщины смѣшанныхъ польско-русскихъ семей, переживающихъ личнымъ, домашнимъ надрывомъ глубокую скорбь проклятаго „спора славянъ между собою“. Будемъ надѣяться, что наступающія великія времена принесутъ успокоеніе и этимъ удрученнымъ сердцамъ: дѣло свободной Россіи понять свободную Польшу, дѣло свободной Польши подать братскую руку свободной Россіи.

Всесословныя учебныя заведенія, развитыя эпохою реформъ Александра II, сблизили русскую дѣвушку съ дѣвушкою-еврейкою; польское вліяніе на русскую женщину парализовалось нѣсколько аристократичностью польской интеллигенціи и ярко выраженнымъ на-

ціонализмомъ ея стремленій. Русскія передовыя движенія всегда демократичны по существу, и, кажется, нѣтъ на земномъ шарѣ мастеровъ, болѣе искусныхъ освобождаться отъ національныхъ привязокъ для всемірнаго гражданства, чѣмъ мы, русскіе „всечеловѣки". Космополитическій идеалъ входитъ въ насъ вмѣстѣ съ западнымъ образованіемъ, а Достоевскій даже проговорился, что мы съ нимъ родимся. Надежды національной свободы всегда сливались у насъ съ мечтою международнаго братства. Русская свобода всегда грезится намъ, какъ ступень къ переустройству соціальнаго строя во вселенной, какъ сигналъ къ свободѣ всего міра. И нѣтъ, въ цѣломъ мірѣ, движенія свободы безъ участія русскихъ бойцовъ. Необыкновенно типическая и яркая тѣнь Бакунина безсмертна въ русской революціи, и женщины отзываются ея призывамъ едва ли не съ большею живостью, чѣмъ мужчины. Русскія сестры милосердія перевязывали раны гарибальдійцевъ и герцеговинскихъ повстанцевъ. Онѣ были всюду, гдѣ мужчины дрались за свободу. Баррикады парижской коммуны имѣли русскую представительницу, въ лицѣ Корвинъ-Круковской (Жакляръ), а въ организаціи миланскаго возстанія 1897 года на первомъ планѣ стоитъ русская соціалистка, женщина-врачъ Анна Кулишова. Этотъ природный демократизмъ и кос-

мополитизмъ русской натуры дали широкое поле къ сближенію нашихъ дѣвушекъ съ еврейками. Несмотря на всѣ ужасы и массовыя преступленія, направленныя противъ евреевъ въ Россіи послѣднихъ двухъ царствованій, въ настоящее время ясно, что антисемитизмъ не есть наше органическое зло и никогда имъ не былъ. Это преходящій наносъ. Онъ вспыхиваетъ въ русскомъ народѣ, какъ скверная историческая привычка, поощряемая и подстрекаемая еще болѣе скверною политикою самодержавной бюрократіи Игнатьевыхъ, Плеве и Булыгиныхъ. Впечатлѣнія кишиневскаго погрома съ поразительною яркостью доказали единство въ духѣ обществъ русскаго и еврейскаго. Глубокій стыдъ покрылъ тогда всю мыслящую Россію, и для десятковъ тысячъ русскихъ людей, до тѣхъ поръ беззаботныхъ къ политическимъ вопросамъ, дата кишеневскаго погрома сдѣлалась датою прозрѣнья внутрь себя, сигналомъ къ воплю: такъ дальше жить нельзя! такъ жить позорно! Дѣло еврейскаго равноправія и дѣло русской свободы неразрывны, и одно не осуществимо безъ другого. Нагляднѣйшимъ показаніемъ искусственности русскаго антисемитизма является его однополость. Русскій антисемитизмъ —сплошь мужской женскаго антисемитизма въ Россіи не было и, смѣю думать, нѣтъ. Единичныя выходки противъ евре-

екъ какой-нибудь старой начальницы гимназіи или классной дамы, начитавшейся въ „Новомъ Времени“ доказательствъ г. Меньшикова, что евреи виноваты въ бѣдствіяхъ японской войны, говорятъ только о дурномъ вліяніи антисемическихъ демагоговъ на весьма рѣдкія, исключительно слабыя головы, къ тому же—отходящаго поколѣнія. Товарищескія отношенія мальчиковъ—евреевъ съ русскими мальчиками въ среднихъ заведеніяхъ иногда портятся, и даже довольно обостренно, антисемитическими предубѣжденіями, перенятыми отъ взрослыхъ. Въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ это большая рѣдкость. И, гдѣ есть подобная вражда, можно быть твердо увѣреннымъ: ее породила и развиваетъ искусственная дрессировка, приказанная свыше. Тамъ же, гдѣ дѣти предоставлены сами себѣ,—напротивъ: я, напримѣръ, лично слыхалъ много разъ, какъ русскія дѣвочки выражали негодованіе, что вотъ такая-то учится въ классѣ лучше всѣхъ, но ей не даютъ перваго мѣста, потому что еврейка. Въ высшемъ образованіи еврейки-курсистки заняли передовыя позиціи съ такою твердостью и такъ по достоинству, что опять-таки всякое русское общественное дѣло находило въ нихъ самый живой и дѣятельный нервъ свой. Въ русскую женскую силу подруги-еврейки внесли свою быструю отзывчивость, впечатлительность, свой общительный,

пламенный и упорный темпераментъ. Притомъ, русская образованная еврейка—обыкновенно, пылкая энтузіастка именно русскаго соціальнаго прогресса.. Типы современной еврейской молодежи, изображаемые талантливымъ Юшкевичемъ, чрезвычайно многозначительны въ этомъ отношеніи. Даже соблазнительный націоналистическій идеалъ сіонизма, повидимому, часто встрѣчаетъ камень преткновенія въ этомъ своеобразномъ патріотизмѣ. А революціонная русская исторія считаетъ въ своемъ недолгомъ прошломъ столько еврейскихъ жертвъ за русское дѣло, что могильными курганами ихъ можно бы уставить дорогу отъ Парижа до Петербурга. Классическій тезисъ петербургскаго охранительства, что „революцію дѣлаютъ жиды“ звучитъ слишкомъ розовымъ самоутѣшеніемъ, но, конечно, безъ еврейской энергіи, русская освободительная борьба шла бы впередъ гораздо болѣе медленнымъ шагомъ. Сочетаніе двухъ народныхъ темпераментовъ сдѣлало ее гибкою, живучею, безсонною. Еврейскій элементъ—дрожжи, которыя поднимаютъ богатую опару талантливой русской обломовщины.

VIII.

Много враговъ имѣла русская женщина за сорокалѣтіе, отдѣляющее насъ отъ эпохи ре-

формъ, друзей же и союзниковъ—мало. И тѣ, съ которыми осталась она въ семидесятыхъ годахъ и шла дальнѣйшими десятилѣтіями, были, если сильны талантами и крѣпки убѣжденіемъ, то слабы государственнымъ авторитетомъ. Все свое современное просвѣтительное значеніе русская женщина создала и завоевала сама—безъ штурмовъ, но долгими и упорными блокадами, отразивъ тысячи жестокихъ вылазокъ. Въ свое время мы видѣли, какъ переродились русскіе жоржъ-зандисты, когда идеи женской эмансипаціи стали переходить изъ мечтаній въ дѣйствительность. Ученики Чернышевскаго, Михайлова, Писарева, Шелгунова оказались много тверже своихъ предшественниковъ, и теоретическая защита женскаго вопроса не умолкала, послѣ шестидесятыхъ годовъ, ни на единый день. Но, во первыхъ, образъ жизни трибуновъ переходной эпохи былъ кочевой до такой непроизвольной степени, что, выйдя изъ дома въ редакцію, публицистъ, вмѣсто того, вдругъ оказывался въ Олонецкѣ или въ Пинегѣ. Во вторыхъ, вожди—не войско. Царствованіе Александра III во многомъ напоминаетъ Павловъ терроръ съ тою разницею, вмѣсто безумной запальчивости, самодержавный обухъ опускался на оцѣпенѣлую Россію холодно, расчетливо, а потому и съ болѣе тяжкими результатами. Этому человѣку, поми-

мо прямыхъ его репрессій, удалась та реакція, которая опаснѣе ссылокъ, тюремъ и висѣлицъ: онъ успѣлъ развратить общество. Говорятъ, Александръ III былъ мужъ чрезвычайно добродѣтельный. Однако во всѣхъ культурныхъ отрасляхъ жизни онъ строго проводилъ програму весьма недобродѣтельнаго Наполеона III: убивай политическую мысль и оставь людямъ ихъ удовольствія. Это пора систематическаго оглупленія университетовъ, печати, театра,—всего, что можетъ содѣйствовать политическому общенію вѣрноподданныхъ. И, наоборотъ, пора открытаго покровительства всѣмъ эгоистическимъ наклонностямъ и страстишкамъ, —съ такою быстротою переработавшимъ огромную часть нашей интеллигенціи въ обывательщину чеховскихъ разсказовъ, что, отходя въ вѣчность, Александръ III имѣлъ право съ полнымъ убѣжденіемъ завѣщать своему преемнику знаменитую фразу о „безсмысленныхъ мечтаніяхъ“. Однимъ изъ наиболѣе мрачныхъ и хроническихъ симптомовъ этого разврата эпохи была открыта война противъ женскаго образованія и труда. Правительство вело ее при полномъ сочувствіи значительной доли буржуазныхъ группъ, въ которыя частію выродились и отъ которыхъ слишкомъ много зависятъ даже и свободныя русскія профессіи.

Удивительную скачку съ головоломными

препятствіями представляетъ собою исторія русскаго женскаго просвѣщенія въ два послѣднія царствованія! Съ 6-го августа 1882 года по 8 мая 1886 года тянется смертная агонія женскихъ высшихъ курсовъ. Сыпятся циркуляры, обрывающіе или стѣсняющіе доступъ въ среднія учебныя заведенія для дѣвочекъ низшихъ сословій и для дочерей недостаточныхъ родителей. Много и справедливо писано въ защиту „кухаркина сына", съ тѣхъ поръ, какъ ему, къ восторгу кн. Мещерскаго, объявилъ войну покойный графъ Деляновъ. Педагогическія мытарства и страданія „кухаркиной дочери" проходили и проходятъ подъ шумокъ. Обществу все какъ то не до нихъ! И это „не до нихъ" опаснѣе и горше правительственной репрессіи. Когда императрица Марія Федоровна лепечетъ депутаціи дѣвушекъ, ищущихъ высшаго образованія, полурусскимъ своимъ языкомъ о необходимости быть женою и матерью и прясть шерсть у домашняго очага, это не удивительно: другого и ждать нельзя. Но, когда подобныя же разсужденія всплывали на страницахъ спеціальныхъ журналовъ, обороняя отъ женской конкурренціи мужчинъ-врачей или адвокатовъ, то становилось жутко и „за человѣка страшно". А вѣдь такіе Геростратовы эффекты въ девяностыхъ годахъ повторялись сплошь и рядомъ.

Конецъ девяностыхъ годовъ ознаменованъ въ Европѣ ростомъ называемаго феминистическаго движенія. У насъ въ Россіи оно представлено очень слабо теоретическими именами Но, если вглядываться въ культурную работу послѣднихъ десятилѣтій, то онѣ оказываются полны практическаго, инстинктивнаго феминизма, трудившагося, не называя себя, можетъ быть, иногда и безсознательно, но не покладая рукъ и поднявшаго русскую женщину на уровень гражданскаго развитія, которое, въ настоящее время, дѣлаетъ очереднымъ вопросомъ приближающейся русской свободы—вопросъ о женскомъ политическомъ равноправіи въ будущемъ государствѣ.

Съ поразительною быстротою идутъ времена. Когда мы перевалили изъ XIX столѣтія въ XX-ое, русское общество очень увлеклось было симпатичною соціальною игрушкою, извѣстною, подъ громкимъ именемъ „борьбы съ проституціей“. Борьба эта, поставленная на почву филантропическихъ, полицейскихъ и просвѣтительныхъ средствъ, при всѣхъ своихъ частичныхъ успѣхахъ, всегда казалась мнѣ доброжелательною, но довольно безплодною суетою совѣстливаго благодушія. Возливая цѣлительный елей на явленія, аболиціонизмъ забываетъ о причинахъ, елеями не исцѣляемыхъ. Причины же кроются въ томъ, что проститу-

ція—единственный способъ труда, который выгоденъ женщинѣ русскаго городскаго пролетаріата, ибо цифра честнаго заработка рабочей труженицы кончается у насъ тамъ, гдѣ начинается цифра заработка проститутки. Наилучшая работница-портниха (это высшій заработокъ женскаго ремесленнаго труда въ Петербургѣ) получаетъ 30 рублей въ мѣсяцъ, самая плохая неудачница—проститутка 40 рублей. Въ моей книгѣ „Женское настроеніе“, въ большей части своей посвященной вопросу о проституціи, я сталъ на такую точку зрѣнія. „Наша проституція происхожденія экономическаго. На иныя причины къ проституціи, не экономическія, русская статистика отдѣляетъ всего лишь отъ 5 до 10 % проститутокъ. Корень проституціи—женское неравенство съ мужчиною въ трудовыхъ правахъ и заработной платѣ. Женщина поставлена въ невозможность существовать иначе, какъ на счетъ мужчины, пріобрѣтающаго ее семейно или внѣсемейно. Самостоятельная жизнь для женщины окупается такимъ жестокимъ, тяжелымъ, почти аскетическимъ подвигомъ, что нести его бодро и успѣшно дано только натурамъ выдающимся, необычайнымъ, святымъ; это—героини и мученицы идеи труда. Для женщины средняго уровня способностей и энергіи, самостоятельная трудовая жизнь—крайне неблa-

годарно вознаграждаемая житейская каторга. Для женщины слабой утомленіе этою неблагодарною каторгою фатально разрѣшается въ дезертирство изъ-подъ трудового знамени самопродажею обратно подъ мужскую опеку и на мужскіе кормы. Таковы печальные браки съ первымъ встрѣчнымъ, лишь бы хлѣбомъ кормилъ, т. е. проституція въ семьѣ,—и проституція внѣбрачной женской самопродажи. Поэтому единственною возможностью къ дѣйствительному уничтоженію проституціи,—по крайней мѣрѣ, проституціи экономической, то есть той, съ которою борется нашъ вѣкъ,—я признавалъ и признаю только совершенное уравненіе обоихъ половъ въ правахъ гражданскихъ трудовыхъ и образовательныхъ: полное политическое и соціальное равенство женщины и мужчины". За тезисъ этотъ я выслушалъ много укоровъ отъ русскихъ аболиціонистовъ, попрекавшихъ меня „любовью къ дальнему въ ущербъ ближнему", „смотрѣніемъ въ корень" и даже квіэтизмомъ. Вы молъ ищете реформы, обусловленной соціальнымъ переворотомъ такой отдаленности, что для нашего вѣка она равна невозможности, и, слѣдовательно, косвенно рекомендуете намъ сложить руки. Но вотъ, господа, прошло всего два года, и—отдаленное стало близкимъ, а невозможное очень возможнымъ. Изъ городовъ русскихъ поднимаются

сотни женскихъ голосовъ, требующихъ участія въ близкой перестройкѣ государственнаго зданія, заявляющихъ свое избирательное право, ищущихъ именно того всесторонняго равенства, что такъ недавно казалось мужскому большинству идеалистической мечтою, отсроченною къ исполненію еще, быть можетъ, не на одинъ вѣкъ. Сегодня этихъ голосовъ сотни, завтра будутъ тысячи, послѣзавтра десятки, сотни тысячъ... милліоны! Ничто не растетъ быстрѣе, чѣмъ сознаніе своего законнаго права,—а ужъ какъ это право русскою женщиною выслужено! Вѣдь, если исключить два факультета женскаго труда: медицинскій и изящныхъ искусствъ,—въ этихъ профессіяхъ женщина, все-таки, добилась нѣкоторой матеріальной обезпеченности!—то нѣтъ ни одной отрасли, гдѣ женская самостоятельность не работала бы несравнимо больше на общество, чѣмъ на самое труженицу. Женщины выучили читать русскій народъ, имъ всецѣло принадлежитъ русская наука о народномъ чтеніи и три четверти того тяжкаго школьнаго подвига, которымъ просвѣщался вышедшій нынѣ на политическую сцену русскій пролетаріатъ. Ужасы этого школьнаго подвига неописуемы: это—голодъ, холодъ, рабство и полицейскій сыскъ. Нѣтъ учительницы въ Россіи, которая не несла бы на себѣ политической роли, сознательно ли, безсо-

значительно ли,—уже тѣмъ самымъ фактомъ, что она учительница, тѣмъ, что она подобрала на свои плечи ту часть образовательнаго труда, которая становится уже слишкомъ невыгоднымъ мужчинѣ буржуазнаго строя, вынуждаемому общимъ вздорожаніемъ жизни искать болѣе производительныхъ формъ труда. Я оставляю въ сторонѣ тѣ отрасли, гдѣ русская женщина умышленно отдается идейному подвижничеству на общественной работѣ: подвиги сестеръ милосердія въ войнахъ, фельдшерицъ въ эпидеміяхъ, „кормильныхъ барышень“ въ голодовкахъ, дѣятельницъ культурной пропаганды въ революціи. Я оставляю въ сторонѣ геройство и говорю про обыденщину. Всюду, пока, женскій трудъ—отбросъ мужского, черная, кропотливая и мучительно скучная работа, которой мы, мужчины, не беремъ потому, что есть возможность свалить ее на женскія плечи, за гроши, какіе мужчинѣ получать уже не расчетъ—„даже непристойно“. Это — вездѣ: въ банкахъ, въ папиросныхъ мастерскихъ, въ библіотекахъ, въ магазинахъ, на фабрикахъ, на телеграфѣ, на полевой уборкѣ, въ типографіяхъ, въ редакціяхъ, на урокахъ,—всюду, отъ малаго до большого, гдѣ трудъ мужской мѣшается съ трудомъ женскимъ. Послѣдніе годы выдвинули очень странное и очень частое женское рабочее преступленіе.

Въ теченіе одного 1902 года газетная хроника огласила 5 судебныхъ дѣлъ о женщинахъ, проживавшихъ по мужскимъ паспортамъ и выдававшихъ себя за мужчинъ, съ цѣлью получать мужской заработокъ. Одно изъ такихъ дѣлъ, особенно любопытное, въ Пермской губерніи раскрылось потому, что баба такъ увлеклась своею новою жизнью на положеніи мужика, что затѣяла было жениться! Жениться же ей понадобилось, чтобы спасти подругу-односелку отъ мужскихъ приставаній на заводской работѣ. Въ состояніи ли современное общество обойтись безъ женскаго труда? Разумѣется, нѣтъ. Устроить для женщины точныя и болѣе выгодныя трудовыя нормы становится неугомонною крикливою необходимостью, столь же важною для мужчинъ, какъ и для самихъ женщинъ, и ростущею не по днямъ, а по часамъ. Быстрое вздорожаніе культурной жизни во всѣхъ странахъ европейской цивилизаціи неуклонно ведетъ къ банкротству современнаго мужевластительства. Однихъ мужскихъ силъ дѣлается уже недостаточно, чтобы вести семью: подспорье женскаго труда, жена и мать добычницы, сейчасъ уже настойчиво желательны, вскорѣ будутъ совершенно необходимы. А разъ установляется общественная необходимость труда женщины, не ясно ли, что трудъ теряетъ полъ, и долженъ быть норми-

рованъ одинаковыми экономическими условіями, обоснованными на одинаковыхъ политическихъ правахъ? Восемнадцатый вѣкъ кончился революціей, создавшей побѣду третьяго сословія; двадцатый начинается революціей четвертаго противъ старыхъ трехъ. Неужели эта революція повторитъ ошибку своей предшественницы и, оставивъ женщинъ полуправыми и безправными, превратитъ ихъ въ новое пятое сословіе, съ исторической перспективою еще разъ перестраивать міръ враждою и кровью!?

Я вижу по газетамъ, читаю въ письмахъ, слышу въ разговорахъ, что женскія претензіи на гражданское, то есть, покуда избирательное равенство встрѣчены недоумѣніемъ во многихъ дѣйствующихъ кругахъ современнаго русскаго переворота, даже и вполнѣ свободомыслящихъ. Говорятъ, что въ Россіи кипитъ и безъ того такая каша, что не знаешь, какъ ее расхлебать, а тутъ вдругъ новые ингредіенты, да и притомъ—какихъ нѣтъ нигдѣ въ Европѣ. Говорятъ: мы еще до такой степени не раздѣлили шкуры неубитаго медвѣдя, что не рѣшили, сколько устроить намъ палатъ, да и устроятъ ли ихъ вообще. Споримъ о всеобщей подачѣ голосовъ, достойны ли ея всѣ россіяне мужескаго пола, не лишенные образа и подобія человѣческаго, или одни грамотники. Спо-

римъ о формахъ конституціи, о монархіи и республикѣ, о цѣльномъ государственномъ тѣлѣ и о федеративномъ расчлененіи, о мирной идилліи соглашеній и вооруженномъ возстаніи. Радуга русской свободы играетъ десятками спутанныхъ тоновъ, они мучительно трудно размѣщаются по спектру, — а тутъ еще женщины!.. Подождите съ женскимъ вопросомъ! Это — роскошь: желѣзная дорога черезъ болото, по которому до сихъ поръ не было даже битой тропы! Это — надстройка будущихъ поколѣній, а наше дѣло — выстроить фундаментъ.

Что каша въ Россіи заварена крутая, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Но русскій народъ повторяетъ пословицу, что кашу масломъ не испортишь. А я нарочно остановился подробнѣе на женщинахъ русской революціи, чтобы напомнить, какъ систематически женское вліяніе, женскій политическій тактъ и женская энергія являлись въ нашихъ революціонныхъ кашахъ масломъ, безъ котораго, весьма часто, каша такъ и прикипѣла бы къ горшку. За женщину — избирательницу, за женщину — равноправную гражданку, — право экономической необходимости и историческихъ заслугъ. Политическія реформы созрѣваютъ во времени, и пространственные примѣры къ нимъ не всегда подходятъ. Вотъ почему не слѣдуетъ смущаться упреками: нигдѣ въ Европѣ! Не въ томъ дѣло,

что было въ Европѣ—это прошлое; и не въ томъ, что есть, доживая,—это тоже прошлое. Дѣло въ томъ, что будетъ и на очереди быть.

Да, каша русской революціи крута, и напрасно уповаютъ оптимисты, что ея кипѣніе остановитъ тотъ или другой конституціонный компромиссъ. Мы только въ началѣ кипѣнія, мы—въ верхней пѣнѣ его, а уже дрожитъ, бурлитъ и гудитъ дно. Близится перестройка не только правительственныхъ формъ и гражданскихъ условій, близится перестройка сословій и народностей. Ея не вмѣстятъ въ себя даже самыя благожелательныя формы той медленной постепеновщины, той проповѣди политическихъ видоизмѣненій въ темпѣ *andante amoroso*, которую можно назвать бюрократіей революціи. И, конечно, если ужъ строитъ дорогу черезъ болото, то—не шоссе, которое лѣтъ черезъ десятокъ надо будетъ сломать, чтобы замѣнить желѣзнымъ путемъ, а прямо желѣзный путь.

И еще—послѣдняя метафора. Россія строитъ свое новое государственное зданіе не на дѣвственной почвѣ. Для того, чтобы очистилась площадь для постройки, ей приходится разобрать по кирпичу колоссальный вѣковой дворецъ самовластія бюрократіи. Въ этомъ процессѣ разрушенія, длящемся пятьдесятъ лѣтъ, русскія женщины работаютъ непрерывно и на

первыхъ мѣстахъ. Сколько ихъ убито падавшими камнями, сколько искалѣчено, сколько умерло на работѣ! Старыя стѣны таютъ, на очереди — возводить новыя. Неужели этотъ новый трудъ въ новыхъ условіяхъ побѣдоноснаго новаго вѣка уволитъ изъ своей арміи этихъ неутомимыхъ работницъ, страстныхъ вдохновительницъ, часто руководительницъ стараго труда? Вѣдь безъ нихъ еще долго не быть бы и новому! Русскія женщины такъ много и хорошо умѣли разрушать, что — уже разрушеніемъ — выучились и хорошо строить!

Paris. V. 24.

